ИРИНА ЛИСАЕВИЧ

ПЕРВЫЙ АРХИТЕКТОР ПЕТЕРБУРГА

ЛЕНИЗДАТ · 1971

Более двух с половиной столетий стоит наш город на Неве. Логична и ясна его планировка, гармоничны ансамбли площадей, стройны его мосты, величавы гранитные набережные, затейлив рисунок оград... Слагали это многоликое единство архитекторы и строители, скульпторы и литейщики, инженеры и каменотесы.

Каждое последующее поколение мастеров, внося в облик Петербурга, а затем Ленинграда новые черты, бережно сохраняло замечательные достижения прошлого. На прочной основе добрых традиций утверждались градостроительные и архитектурные принципы, рождалось новое.

Мысленно снимая поздние слои в облике города, мы находим его закладные камни. И там, у самых истоков его жизни, встает перед нами образ первого петербургского архитектора, со дня рождения которого в 1970 году исполнилось 300 лет. Это Доменико Трезини, или Андрей Трезин, как именовали его в России.

...Третий год длилась Северная война. Позади остались первые неудачи, пришли блистательные победы. Россия отвоевывала дедовские земли, некогда захваченные шведами, и вместе с ними жизненно необходимый выход в Балтийское море. В 1702 году была возвращена отечеству старинная крепость новгородцев в истоке Невы — Орешек. Взоры русских

обратились к устью реки, к выходу ее в Финский залив, на Балтику. Весной 1703 года пала крепость Ниеншанц, возведенная шведами между Охтой и Невой, и наконец путь к морю был открыт. Петр I с семью ротами преображенцев и семеновцев спустился на лодках к дельте Невы, чтобы выбрать место для строительства новой крепости — защитницы возвращенных земель. Удобным оказался остров Заячий, на котором была «в 16 день мая крепость заложена и именована Санкт-Питербурх».

Город, возникший вокруг нее, среди диких лесов и гиблых болот, родился буквально в ходе сражений: война продолжалась, а город строился...

Шведы, имевшие сильный военный флот, угрожали со стороны моря; угрожали они и с суши — со стороны Выборга. А город строился...

России необходимы были опытные фортификаторы, способные возводить крепости и форты, умелые архитекторы для создания будущей столицы. Своим посланцам за границей Петр I приказал отыскивать их и приглашать в Россию.

В Дании находился тогда русский дипломат А. П. Измайлов, весьма образованный человек, владевший несколькими языками. Он познакомился с молодым фортификатором и архитектором, состоявшим при дворе датского короля, — Доменико Трезини и предложил ему службу в России.

1 апреля 1703 года был подписан договор, в котором Трезини назывался «архитектонским начальником... цивилии и милитарии», умеющим возводить крепости, а также работать «в городовом и палатном строении». Для создания в ходе войны и крепости и нового города такое сочетание «умений» было наилучшим.

Доменико Трезини было тогда более тридцати лет.

Родился он в 1670 году в Швейцарии в итальянской семье, вблизи города Лугано, в селении Астано Тессинской провинции.

Родился Доменико Трезини в Швейцарии, в горах.

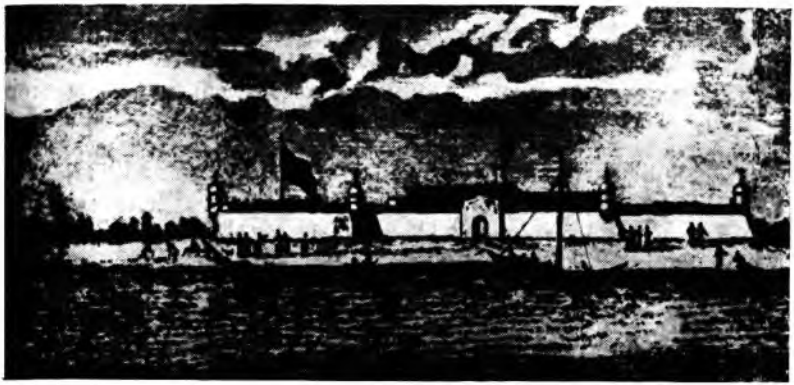
Вид горных селений в Швейцарских Альпах. Фотография.

Жители ряда небольших селений, разбросанных среди гор в провинциях Тессин, Тироль, Пьемонт и Бергам, обладали выдающимися для своего времени познаниями и опытом в области математики, механики, архитектуры. И это было не случайным. Недостаток плодородной земли и жизнь среди гор ограничивали хлебопашество и порождали стремление людей к иной деятельности. Они учились строить, рассчитывать, украшать... Казалось, что сама природа — скульптурные формы живописного ландшафта, гармония линий, контрасты и переливы цвета и света — с детства развивала их вкус и художественное чутье.

В окрестностях Лугано, на небольшой территории радиусом восемь — десять километров, из века в век процветали многочисленные «академии» — художественные и ремесленные школы. Молодые мастера, взращенные ими, расходились по всему миру. Одни из них завершали свой жизненный путь вдали от дома, другие, разбогатев, возвращались в родное селение, чтобы открыть новую академию. Такая традиция сделала этот уголок своеобразным рассадником искусств, отсюда «поставлялись» таланты в разные страны.

Обширна плеяда знаменитых «луганцев». Всемирно известными стали имена многих уроженцев и соседних провинций. Это Ф. Барромини, К. Мадерна, А. Порта, строившие во Франции и Италии. Это Д. Кваренги — создатель Смольного института, Ассигнационного банка и Конногвардейского манежа в Петербурге, Александровского дворца в Царском Селе. Это Ф. И. Бруни, расписавший Исаакиевский собор и создавший картины, которые можно видеть в залах Русского музея. Это Д. И. Жилярди — автор старого здания университета в Москве, это Д. И. Висконти, работавший в Павловске, Л. Руска, Д. Ф. Адамини, трудившиеся в нашем городе... Для многих из них Россия стала второй родиной.

Доменико Трезини впитал лучшие традиции своих земляков, получив образование на родине. С 1699 года он уже ра-



На далеком севере страны застучали топоры: возводилась новая крепость...

Ново-Двинская крепость. Рисунок. XVIII в.

ботал в Дании, где приобрел опыт в архитектурной практике и фортификационном деле. Через четыре года, приняв предложение Измайлова, поехал он искать счастья в Россию... Впоследствии в книге, посвященной кантону Тессин, изданной Ж. А. Олделли в 1807 году, появилась горделиво звучащая запись: «Славный инженер при короле датском был послан королем к московскому царю Петру Великому, и тот так ценил его, что поручил строить новый город Петербург, начатый в 1703 году».

Доменико Трезини был первым из тессинцев, отправившихся в далекую Московию. Предполагал он работать в России «за инженера и жить год», а если воздух ее окажется «зело жесток здравию его, вредный», гласили пункты составленного А. П. Измайловым договора, ему вольно будет ехать «куда он похощет».

Сборы были поспешными, и с открытием навигации весной 1703 года датский корабль взял курс на Архангельск. Вместе с Трезини по приглашению Измайлова отправились за море еще десять необходимых специалистов. Среди них — мастер «гипсового дела» П. Денний, мастер «солдатских богинетов и ножей» С. Лубатые, лекарь П. Паусие, кружевного дела мастер П. Паланд, «кудерный» мастер-парикмахер И. Пижон, «гипсового», «палатного» и фортификационного дела мастера Т. Квадро, К. Ферер, Д. Руто и И. М. Фонтана, который впоследствии с архитектором Г. Шеделем строил дворец А. Д. Меншикова в Петербурге. Последним взошел на борт корабля перед его отплытием инженер-фортификатор Б. Скала, не имевший официального контракта. «Архитектонским начальником» среди них был Доменико Трезини.

Парусные суда в те времена шли в Россию из Англии, Дании и Голландии многие недели. Путешествие морем было небезопасным: путников подстерегали жестокие штормы, частыми были кораблекрушения.

Старинный порт Архангельск принял заморских гостей лишь 27 июля — об этом известил Петра I архангельский воевода Василий Ржевский.

На севере России было неспокойно. Угроза вражеского нападения была реальной и здесь. Летом 1701 года шведы, прибегнув к военной хитрости, направили к Архангельску четыре корабля под английским и голландским флагами. Но корабли, севшие на мель в устье Северной Двины, были захвачены русскими. Этот эпизод заставил Петра I побывать в Архангельске и принять ряд оборонительных мер. Здесь, на далеком севере страны, застучали топоры: возводилась Новодвинская крепость. Оживилась и работа архангельской верфи.

Вступив на незнакомый берег, Трезини и другие иноземцы не могли не заметить торопливой стройки, которая шла кругом. Внимание опытного фортификатора сразу привлекла

Под Архангельском это были чуть суровые серебристо-серые деревянные церкви с остроконечными кровлями...

Церковь в селе Почозеро.

к себе новая крепость. Но знакомиться с жизнью города не было времени. Получив от архангельского воеводы деньги «на корабельныя расплаты и в дорогу на корм», они направились в Москву.

Путь их шел по Северной Двине и Сухоне, через старинные города — Холмогоры, Великий Устюг, Вологду.

На пути к древней столице состоялось первое знакомство Трезини с неожиданной для европейца архитектурой далекой Руси. Вблизи Архангельска это были чуть суровые серебристо-серые деревянные церкви, завершенные остроконечными кровлями. Поднимая к небу свои навершия, они возвышались среди небольших селений, разбросанных по берегам рек. Дома, тоже деревянные, покоились на высоких подклетях, их украшала не виданная еще иноземцами затейливая резьба. Кое-где на косогорах медленно и деловито поворачивали свои тяжелые крылья ветряные мельницы. А вокруг бескрайние леса, болота и равнины на многие и многие версты...

В городах, окруженных земляными валами и высокими крепостными стенами, стояли богатые боярские терема, каменные церкви — или массивные пятиглавые, или маленькие, уютные, одноглавые. Временами слух ласкал неожиданно мелодичный звон колоколов.

Где-то на пути встречались монастыри-форпосты. Стояли они чаще всего на пересечении дорог, у реки или озера. Казалось бы, они должны были только устрашать: многие из них не раз отражали вражеские нашествия. Но, освещенные солнцем, приветливо смотрели они на путников разноцветными главами церквей, соборов и звонниц, выраставших из-за красно-белых крепостных стен. Все это удивляло многообразием форм, празднично яркой палитрой тонов и красок, слитностью с окружающим привольем. Как не похожи были эти радостные, живописные ансамбли на суровые средневековые замки и монастыри Европы, замкнутые высокими и мрачными кре-

Церковь в селе Конецдворье.

постными стенами... Взор архитектора невольно отмечал искусную работу русских зодчих, мастерство русских плотников и каменщиков, умелым рукам которых послушно покорялся любой материал.

Страна была богатой, гостеприимной.

Ближе к Москве бескрайние равнины стали сменяться холмами, уходящими к горизонту. Что-то здесь отдаленно напоминало путникам покинутые родные места. Летнее солнце днем тоже было жарким, хотя небо и не столь безоблачно и краски не так контрастны, как там, куда не всем из них суждено было вернуться.

22 августа 1703 года на рассвете утомленные путешественники были уже близки к цели. Когда рассеялся утренний туман, густой пеленой покрывавший землю, перед ними встала

Где-то на пути встречались монастыри-форпосты, чаще всего у реки, озера или у развилки дорог...

Иосифо-Волоколамский монастырь. Фотография. 1930-е гг.

Москва. До нее оставалось каких-нибудь пятнадцать верст. С любопытством вглядывались иноземцы в очертания старинных башен, высоких колоколен и куполов, вдруг засверкавших издали золотом, когда коснулись их первые лучи солнца.

Селения встречались теперь чаще. Невысокие рубленые избы были крыты дранкой или соломой. Перед избами пестрели небольшие палисадники, позади виднелись ровные грядки огородов. Над крышами тонкой струйкой поднимался дымок.

Когда рассеялась утренняя дымка, перед ними встала Москва.
Панорама Москвы. Гравюра И. Блиикланта. 1707—1708 гг.

На деревенских улицах пахло свежевыпеченным хлебом и парным молоком. За околицей по дорогам медленно двигались к дальним лугам стада — слышалось мычанье коров, блеянье овец, свист пастушьего кнута и звонкие возгласы ребят-подпасков.

Незаметно путники подъехали к первой заставе города. Почуяв близкий отдых, усталые лошади сами повернули в одну из улиц. Дома по сторонам ее были деревянные, одноэтажные, разбросанные на значительном расстоянии друг

от друга. Далее стали встречаться богатые, каменные палаты, порою ярко окрашенные снаружи. Над жилыми домами с их сараями, огородами и садами возвышались многочисленные церкви.

В Посольском приказе, расположенном в Кремле, на обширной площади, иноземцам надлежало получить необходимые деньги и документы. Для большинства из них путешествие кончилось — восемь человек остались в Москве. Лишь двое — Трезини и датский инженер подполковник М. Эмсон должны были спустя несколько дней направиться в Санкт-Петербург.

* * *

Путников, выехавших из старинного Копенгагена весной, молодой Санкт-Петербург встречал в начале октября.

Дорога к Неве проходила по болотцу, среди низкорослого ивняка. Лошади то и дело вязли в топкой, липкой грязи. Дул резкий ветер. Дождь, смешанный с мокрым снегом, только что кончился, и по небу проносились низкие, серые тучи. Путники миновали небольшой лесок, и взорам их открылся вид на широкую величественную реку. Течение ее с шумом несло ледяную шугу.

Над стройкой, которая шла кругом, стоял смолистый запах свежих срубов, слышался стук топоров, визжали пилы, разносились голоса рабочих.

Лошади остановились у переправы. На противоположном берегу острова, названного вскоре Городовым, среди темного, невысокого ельника белели новые, еще редкие избы. Все это отделяла от путников быстро скользившая по Неве лента ледяного крошева. Вблизи правого берега реки ленту эту разрезал небольшой плоский остров. Земляные валы, возведенные на его территории, казались всплывшими из воды. Вот она — фортеция...

...Стали встречаться богатые, каменные палаты, порою ярко окрашенные...

Дом Волкова-Юсупова в Москве. XVII в. Фотография.

Но какой простор! Сколько земли, такой густозаселенной и дорогой на родине, а здесь еще свободной, ждущей строителя... Архитектор ступил на борт лодки. Гребцы навалились на весла и, преодолевая силу невского ветра и волн, направили ее к противоположному берегу. Крепость оставалась слева. Очертания ее становились определеннее, заметными стали и свежие срубы за земляными стенами, грозные орудия на бастионах. На берегу быстро приближавшегося Городового острова стояло одноэтажное здание с высокой крышей, завершенной шпилем, с нарядным двумаршевым крыльцом. Оно отдаленно напоминало и церковь и запомнившиеся архитектору московские дома. Это был Посольский дворец местного губернатора А. Д. Меншикова, вступившего в свою должность два с половиной месяца назад.

Лодка ткнулась в берег.

Сейчас уже трудно сказать где — здесь же на берегу, во дворце ли губернатора или в маленьком домике царя, расположенном поблизости, а может быть, на стройке или просто в пути, — но именно где-то тут, на невских берегах, состоялась первая встреча Трезини с Петром I. Трезини поддался обаянию сильного энергичного человека, так непохожего на чопорных европейских монархов. И архитектор произвел на царя благоприятное впечатление. Тут же Трезини получил возможность испытать свои силы как фортификатор. Спустя годы он писал о себе: «И с того вышереченного 1703 года... отправлял всякие строения на новом месте сего царствующего града...»

Дело нашлось сразу, срочное, безотлагательное. Шведская эскадра, блокировавшая невское устье все лето 1703 года, в октябре отправилась на зимовку. Вслед за ней на простор Финского залива из Невы устремились яхта и галиот: русские во главе с Петром начали промеры глубин залива. В тридцати верстах от устья, вблизи острова Котлин, они обнаружили длинную подводную гряду — отмель, пересекавшую

Трезини разглядывал крепость издали, с левого берега Невы, от Почтового двора. Правее крепости возвышался Посольский дворец.

Гравюра Пикара. 1704 г.

залив от Лисьего Носа до южного его берега. Она преграждала кораблям путь к Неве, образуя лишь один узкий, но удобный для них проход возле острова Котлин. На случай появления неприятеля решено было направить сюда жерла русских пушек. Артиллерийский форт, необходимый для этого, Петр поручил проектировать Трезини. Позже архитектор в перечне работ, выполненных в России, упоминал, что им построена «башня Кроншлот» и «крепость Кроншлот».

Согласно идее, предложенной Петром I, архитектор создал первый в мире артиллерийский форт на искусственном острове. Естественный фарватер, ведущий из Балтики к устью Невы, было решено «продеть сквозь игольное ушко», созданное артиллерийскими батареями острова Котлин и форта. Это в значительной мере устраняло опасность вторжения шведских кораблей в Неву.

Трезини быстро справился с этим первым заданием: зимой была изготовлена деревянная модель форта, а весной 1704 года уже закончено его строительство. Искусственный остров в течение зимы 1703/ 704 года сооружали солдаты: на санях подвезли камень и просмоленные бревна, южнее Котлина, прямо на льду, собрали срубы, напоминавшие крестьянские избы без окон и дверей, и заполнили их бутовым камнем. Это были ряжи. Вокруг них прорубили лед, и ряжи плавно сели на отмель, образовав круглую в плане основу форта. На ней, выше уровня воды, возвели кольцевой бастион, установили пушки. Внутри этого нижнего боевого «кольца» срубили из толстых и длинных бревен крепостную башню — граненую, приземистую, с конусообразной крышей, несколько напоминавшей о старинных крепостных башнях древнерусских городов, и увенчали ее затейливым флагштоком. Внутри башни построили помещения для солдат и хранилища для пороха, ядер, фитилей, продовольствия. Башня могла вмещать гарнизон до 3000 человек.

Разделили башню тремя горизонтальными перекрытиями на ярусы, предназначенные для установки пушек. В стенах прорубили орудийные люки, закрывавшиеся толстыми ставнями, а по другую сторону фарватера на Котлине возвели бастионы береговой батареи.

18 мая над фортом, получившим название Кроншлот[1], был поднят русский флаг, — это был день рождения будущей

---

[1] Коронный замо́к, или главный, основной замо́к. *(Примеч. автора.)*

...Губернатором города недавно стал энергичный и властолюбивый человек.

Портрет А. Д. Меншикова. Неизвестный художник. Масло. XVIII в.

морской крепости Кронштадт. «Российские Дарданеллы» — так назвали современники укрепления острова Котлин, в создании которых нашел себе применение талант Трезини-фортификатора. Это была неприступная крепость, — ни один корабль с тех пор не прорвался к устью Невы.

Шведские эскадры, пытавшиеся сделать это летом 1704 и 1705 годов, потерпели поражение возле форта.

Летом 1704 года Трезини был отправлен туда, где русские войска штурмовали «преглавную крепость» — Нарву. В честь одержанной «превеликой победы» он соорудил там триумфальные ворота. Работа была важная и почетная, а сроки — малые. Трезини успешно справился с нею, показав себя теперь и как мастер «цивилии».

Ворота, выполненные из дерева, погибли, очевидно, еще в XVIII веке. Судить о них в какой-то мере можно по сохранившимся Петровским воротам Петропавловской крепости, сооруженным Трезини тремя годами позже «подобно Нарвским».

Пробыв несколько месяцев в Нарве, Трезини вернулся на берега Невы.

Весной 1704 года на Государевом раскате (бастионе) Санкт-Петербургской крепости в первый раз был зажжен «маячный огонь». Он возвестил миру о рождении нового русского города и порта.

Подвигом было создание этого города буквально на виду у неприятеля, и в таких местах, где сама природа, казалось, не сулила ничего доброго. В конце августа 1704 года с моря подул такой сильный ветер, что Нева пошла вспять, поднялась и, выйдя из берегов, затопила избы, где разместились первые строители города и солдаты. Поползли слухи, что земля тут вообще гиблая, не раз уже губившая новгородские поселения. Но Петр повелел строить — и виселица, кнут и каторга ждали ослушников. Первые строители трудились от зари до зари. Инвентаря — тачек, лопат, топоров — не хва-

Где-то здесь, на невских берегах, состоялась встреча Трезини с Петром I.

Портрет Петра I. Гравюра.

тало. Землю носили даже в рогожных мешках и подолах одежды. Но нужнее всего были люди. И в 1703 году было приказано присылать работных людей «с посадов и волостей», а 4 июля 1705 года специальным указом предписано было беглых солдат «бить кнутом и ссылать на каторгу в новопостроенный город Санктпитербург».

Шли годы. Много трудился Трезини, все больше и больше попадая под власть этой огромной общероссийской стройки. На Заячьем острове, в крепости, возводились новые и новые деревянные сооружения. Соседний Березовый остров уже именовался Городовым, там шло оживленное строительство вокруг Посольского дворца. Начались работы и на левом берегу, где тогда еще шумел лес. Осенью 1704 года здесь заложили третью крепость и судостроительную верфь — Адмиралтейство. Лес для кораблей и городских построек, а иногда и готовые дома сплавляли из Новгородского уезда по реке Тосне в Неву, привозили на подводах.

Территория вокруг Адмиралтейства на участке между Невой и Маленькой речкой (позднее Мойкой) застраивалась. По этой речке тогда и пролегала граница города.

Поначалу строительство велось, в сущности, стихийно, без какой-либо регламентации. Жители селились слободами, группируясь по роду занятий. На Городовом острове — строители-солдаты, на Адмиралтейской стороне — работавшие на верфи плотники, матросы, корабельные мастера, боцманы и капитаны. Жили здесь, теснясь друг к другу по принципу землячества, русские, немцы, голландцы и выходцы из Средиземноморья. Ближе к Адмиралтейству (район между ним и будущей Зимней канавкой) строили дома для знати: адмирала Ф. М. Апраксина, адмиралтейского советника А. В. Кикина, вице-адмирала К. И. Крюйса. Жил здесь и Петр I.

Вокруг Адмиралтейства выросли слободы — Галерная, Морские, Немецкая, Греческая... Доменико Трезини, вернувшись из Нарвы, поселился в Греческой слободе.

Над фортом, получившим название Кроншлот, 18 мая был поднят русский флаг.

Кроншлот. Гравюра А. Ростовцева. XVIII в.

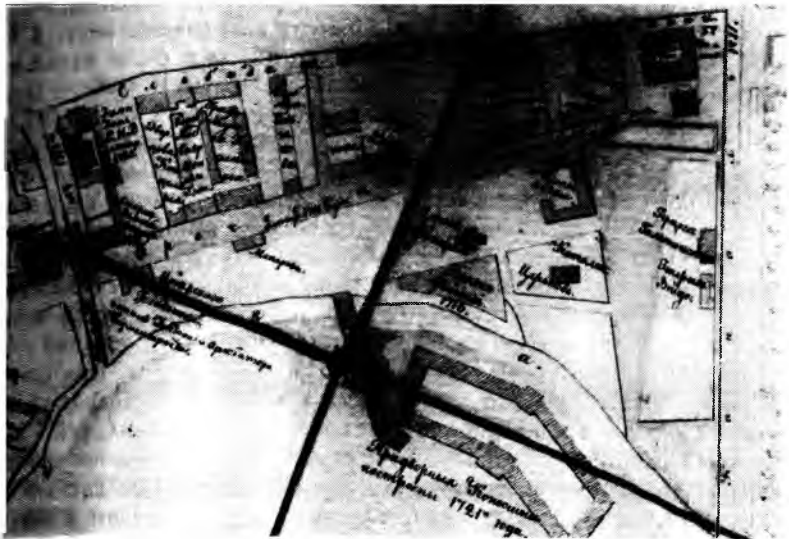
Ранние петербургские планы указывают точное местоположение Греческой слободы. Она находилась на участке, ныне очерченном улицей Халтурина, набережной реки Мойки, Аптекарским и Запорожским переулками. Пожары 1735—1737 годов стерли с лица земли старинную слободу. От более позднего времени сохранились лишь здание Круглого рынка

В середине гравюры виден купол со шпилем — церковь в Греческой слободе; слева — Адмиралтейство; справа — крепость.

Рисунок Х. Марселиуса. 1725 г.

(конец XVIII века), приписываемое Д. Кваренги, складские помещения да каменная аптека. На ее месте когда-то стояла деревянная аптека, построенная Д. Трезини в 1720-е годы. Деревянными были когда-то и рынок и склады. Это было характерно для Петербурга: на смену деревянным постройкам, по мере роста города, приходили такие же каменные. И этот уголок города не был исключением.

С 1705—1706 годов Греческая слобода стала плотно застраиваться на русский лад — деревянными одноэтажными



Старинные планы показывают местоположение Греческой слободы.

План Майера. Адмиралтейская часть. 1725 г.

домами с дворами и огородами. Местность эта была суше, чем другие районы Адмиралтейской стороны. Дома теснились в беспорядке и производили впечатление, по словам современника, «въехавших один в другой наподобие синичьих гнезд, которые сколачивали кто как мог».

Улицы в слободе не имели названий и были настолько узкими, что карета проехать по ним не могла. Называли слободу Греческой, хотя селились здесь не только греки с Ионических островов, но и итальянцы — галерные капитаны и боц-

маны, нанятые в средиземноморских портах, ремесленники из Германии и строительных дел мастера из разных мест. По своему вероисповеданию большинство из них были католиками, но были здесь и лютеране и протестанты. В слободе появились две церкви — кирха и костел. На самом берегу Маленькой речки возник рынок. Часто можно было видеть в Греческой слободе вице-адмирала К. И. Крюйса — выходца из Голландии, ставшего в России командующим флотом на Балтике. Это был опытный моряк, превосходивший в своем искусстве Петра I. Высокий ростом, с большим родимым пятном на щеке, заходил он в дома своих подопечных, как старшина евангелических и реформатских церквей в России. По словам современников, это был сдержанный, честный, щедрый и справедливый человек, готовый «на всякое добро». Его связывала теперь прочная дружба с Трезини. Их знакомство состоялось во время работ по сооружению укреплений на острове Котлине. Вскоре армирал предложил Трезини стать старостой католического прихода Греческой слободы. Его обязанности как старосты заключались главным образом в хлопотах об обеспечении прихожан жильем, одеждой, пропитанием.

Крюйс пользовался уважением и доверием Петра I. Он получил от него особые полномочия для приглашения в Россию специалистов. Своими советами Крюйс со временем утвердил Трезини в решении остаться в России «навечно».

Наступил 1706 год. Трезини начал работать над созданием каменных сооружений Петропавловской крепости. «Первейшее из главных работ — санктпетербургская фортеция, которая застроена каменным зданием в 1706 году» — так он оценил это свое творение на склоне лет.

Уже три года существовали земляные валы крепости. Теперь, когда город надежно защищала Кроншлотская фортеция, санкт-петербургская крепость должна была стать не только военным сооружением, но и архитектурной доминантой

Часто можно было видеть в Греческой слободе высокого адмирала...

Портрет К. И. Крюйса. Гравюра. XVIII в.

невских берегов. Трезини понимал, что теперь перед ним наряду с фортификационными задачами стоят и архитектурно-градостроительные. Вот здесь-то и пригодилось сочетание «умений» фортификатора и архитектора.

Перестройке крепости и «касающегося в той фортеции всякого строения» посвятил архитектор почти тридцать лет своей жизни.

30 мая 1706 года состоялась торжественная закладка первого каменного бастиона, обращенного в сторону Троицкой площади (ныне площадь Революции).

Было принято широко отмечать подобные события: спуск ли на воду нового судна, закладку нового здания, прибытие иноземных гостей, послов. Праздновали широко и богато. Торжество сопровождалось орудийными залпами, звоном колоколов, поднятием флага над крепостью, а вечером — ярким фейерверком и обильным ужином с заморскими винами. Так было и в этот памятный день. Царь заложил первый камень в «новое строение». В церемонии участвовали и его сподвижники — смотрители работ, именами которых названы бастионы крепости, — А. Меншиков, Н. Зотов, Ю. Трубецкой, Г. Головкин, К. Нарышкин. Присутствовала именитая знать, дворяне, купцы, иностранные послы и посадские люди.

Впоследствии Петр I внимательно следил за строительством, не раз обходил стройку вместе с Трезини. Во время отлучек Петра архитектор извещал его письменно о том, как движется дело.

Трезини с головой ушел в работу. Он должен был создать проект сооружения новых каменных стен, въездных ворот, моста, соединяющего крепость с городом, собора на месте деревянной церкви и ряда служебных построек.

Крепость имела форму неправильного шестиугольника, вытянутого с запада на восток. Перестроенная в камне, она должна была сохранить эту первоначальную форму. Шесть

бастионов, соединенных стенами-куртинами, и входные ворота в крепость — все должно было выполняться в кирпиче.

Бастионная система была применена в России впервые. Бастионы, вынесенные вперед, давали возможность простреливать пространство вдоль стен крепости. Отказались и от сплошной, глухой кладки. Внутри стен были созданы помещения — казармы, пороховые погреба.

При возведении стен и бастионов Трезини использовал все новейшее, имевшееся к тому времени в строительстве крепостей, проявил он и несомненную творческую индивидуальность.

Вход в крепость со стороны Троицкой площади он оформил триумфальными Петровскими воротами. Ворота, первоначально деревянные, были возведены в 1708 году. Один из иностранцев писал о них: «Крепостные ворота деревянные, очень красивой резной работы... Над ними возвышается статуя св. Петра в человеческий рост с двумя большими ключами в руках, тоже деревянная». Резной барельеф «Апостол Петр низвергает Симона волхва» — аллегория побед над шведами, — выполненный К. Оснером, раскрывал патриотическую идею сооружения. Воинские доспехи декорировали плоскости волют и художественно завершали убранство. Через десять лет деревянные ворота были заменены каменными, построенными также по проекту Трезини и сохранившимися до нашего времени. На них мы видим те же резные барельефы и украшения. Перестроенные в камне еще в ходе Северной войны, Петровские ворота знаменовали победы русского оружия. Петровские ворота видны были тогда издали, с Троицкой площади, и создавали у каждого особое торжественное настроение при входе в крепость. Позже с этой стороны крепости было возведено дополнительное укрепление — Иоанновский равелин, и Петровские ворота оказались за его стенами. Бастионы и стены, построенные по проекту Трезини, сохранились. Они были лишь облицованы гранитом в конце XVIII века и завершены

на углах сторожевыми башенками. По проекту Трезини построен был первый в Петербурге «прекрасный, в двух местах подъемный, имеющий около 300 шагов длины мост» через Кронверкский пролив. Он соединил острова Заячий и Городовой. Появляются мосты и в других частях города, через небольшие реки и каналы: «висячие, цепные». Все они были подъемными, и Трезини, несомненно, пробовал силы в мостостроении не один раз.

Имя Доменико Трезини — Андрей Трезин — тогда было широко известно в городе. Направлялся приезжий в Петропавловскую крепость и спрашивал: «Кто сработал мост?» — «Трезин», — отвечали ему. «А Петровские ворота?» — «Трезин». — «А крепостные стены, бастионы?» — «Андрей Трезин»... Не случайно Трезини позже писал о том, что в первые годы существования города он был единственным его архитектором: «И с того вышереченного 1703 года... до 1716 года работал я один». Конечно, эти слова нельзя понимать буквально. Несомненно, что Трезини, руководствуясь дальновидными указаниями Петра I, вырабатывал основные принципы застройки территории будущего города. Но несомненно и то, что Трезини, будучи архитектором, практически руководил строительством, проектировал и осуществлял наиболее важные сооружения, вел работы, наиболее значительные по характеру и объему. Но были в городе и другие архитекторы: приехавшие из Москвы И. Матвеев (работал в Летнем саду) и Ф. Васильев (работал при Адмиралтействе); иноземцы Фонтана и Шедель (строили для А. Д. Меншикова в Петербурге и Ораниенбауме); Михаил Земцов, тогда еще архитектурный ученик — «гезель». И тысячи строителей...

Со всех концов страны посылали их на берега Невы. Здесь были и чернорабочие и опытные плотники, каменотесы и люди, знавшие секреты разнообразных ремесел. Они приносили искони русские традиции, передаваемые от отца к сыну, неписаные правила мастерства. Тысячи работных лю-

Трезини. Петровские ворота. Фотография

дей, организованных в артели, в первые пятнадцать лет жизни Петербурга составляли и значительную часть его населения. Распоряжение А. Д. Меншикова от 12 сентября 1705 года требовало: из городов Вологды, Шуи, Ростова, известных своими строительными традициями и замечательными постройками, «выбрав плотников самых добрых... и со всякими их плотничьими снастями выслать в Санкт-Питербурх».

Все это сказалось в облике Петербурга, где старинные привычные архитектурные традиции уживались с новыми тенденциями, все это сделало Петербург не похожим ни на один другой город мира. Строительство Петербурга привлекало всеобщее внимание как в России, так и за границей.

Огромная стройка потребовала необходимой системы управления ею. В 1706 году для этого было создано специальное учреждение. Оно стало именоваться Канцелярией городовых дел. В ведении Канцелярии были вопросы городского строительства, привлечение рабочей силы, распределение ее, доставка строительных материалов. Канцелярия размещалась поначалу в доме Сенявина на набережной Невы, где-то неподалеку от «Домика» Петра I. Канцелярия готовила многие указы по застройке Петербурга. Главным архитектором Канцелярии стал Трезини, а обер-комиссаром, выполнявшим роль своеобразного директора, Ульян Акимович Сенявин, брат прославленного адмирала. Это был умный человек, блестящий организатор. Они хорошо дополняли друг друга. Сенявин и Трезини стали главными советниками Петра I по строительным делам.

Архитектор отзывался о Сенявине с большим почтением, называл отцом и в деловых бумагах всякий раз ссылался на его авторитет. Работали они бок о бок почти три десятилетия. В течение нескольких лет не возникало каких-либо специальных указов, регламентирующих застройку Петербурга. Канцелярия городовых дел и Трезини следовали лишь эпизоди-

ческим указаниям Петра I. Но в 1707 году Петр уже начал делать важные для облика будущего города предписания. «За городом (крепостью) новое строение чтобы в линию делали, ибо едина работа прямо или криво делать и для того приставить особого человека». Подобные распоряжения имели большое значение для формирования «строгого, стройного вида» столицы.

Одна из важнейших идей заключалась в том, чтобы город рос по берегам Невы, чтобы именно сюда был обращен его фасад, именно здесь вырисовывалось его «лицо».

На Городовом острове по берегу Невы селились министры, знать, офицеры. Здесь наряду с домами Петра I, Меншикова и Сенявина вырос первый каменный дом в Петербурге — канцлера Г. Головкина, а также дома вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны, «тайного секретаря» царя и дипломата И. Шафирова, первого учителя Петра I Н. Зотова и других. Дома эти изображены на гравюре Зубова. Они небольшие и построены один возле другого «в линию», причем службы и огороды расположены «на задах». Высокие шатровые крыши палат напоминали о московских хоромах.

Автором проектов многих домов был Трезини, глубоко воспринявший впечатления от облика старых русских городов, а исполнителями — русские «добрые плотники». Эти дома на набережной во многом были предшественниками «образцовых» домов Петербурга, проекты которых Трезини разработал позже. Когда же в 1723 году Канцелярия потребовала от петербургских архитекторов сведения о том, в какие годы какое строение «было начато», не случайно «Дворовую опись Городского острова», входившую в «Реестр строения при СПБ», составил именно Трезини — он имел к ним самое прямое отношение.

Долгие годы городское строительство шло под охраной пушек Петропавловской и Адмиралтейской крепостей: нападения шведов были часты. В 1705 году шведские солдаты

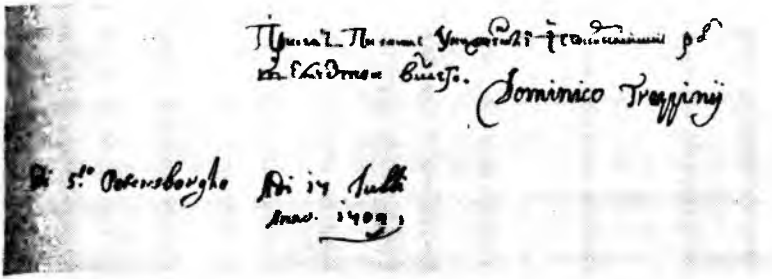
высадились на Каменном острове, а в 1708 году переправились через Неву выше города. Но наступил переломный 1709 год. Полтавская баталия упрочила положение Петербурга. Теперь строить было спокойнее и безопаснее.

Уже 14 июля 1709 года Доменико Трезини писал Петру I: «За добрую вашу викторию вашему величеству поздравляю... вашим великим счастием ныне твердый камень во основание и крепость Питербурха положен, а я со всем радением рад трудиться против чертежа вашего...»

Когда же в следующем году русские войска овладели крепостью Выборг и Петр заявил: «Чрез взятие сего города Санкт-Питербурху конечное безопасение получено» — угроза нападения шведов исчезла окончательно.

13 июля 1710 года состоялся грандиозный фейерверк, оформленный Трезини: над крепостью взметнулись тысячи огней, по Неве плыли горящие плошки, Петропавловская крепость и дома горожан были увешаны сотнями фонариков. С кораблей, стоявших на реке, и с бастионов палили пушки. О фейерверке датский посланник Юст-Юль писал: «При взятии... крепостей было меньше расстреляно пороху, чем в ознаменование радости по случаю этих побед и при чашах в их честь». В списках гостей мы видим имя Андрея Трезина. Это был и его праздник. Трезини-фортификатор внес свою лепту в «конечное безопасение» Петербурга.

Еще в 1709 году к Трезини из Астано приехала жена, а в марте 1710 года у него родился сын. В честь своего крестного отца мальчик был назван Петром. Крестили сына в католической церкви Греческой слободы. Крестными родителями были Петр I и дочь адмирала Крюйса. Петр всячески подчеркивал свое уважение к архитектору, а Трезини отвечал ему «добрым делом». Он уже много построил за прошедшие шесть лет. И судьба его решилась окончательно: он навсегда остался в России. На русской земле родился его сын, будущий архитектор Петр Трезини. Доменико итальянцу, привыкшему



Уже 14 июля 1709 года Доменико Трезини писал Петру I...

Письмо с подписью Трезини. Фотография. Фрагмент.

к мягкому климату и не столь суровым условиям жизни, трудно было свыкнуться с длинной морозной зимой и коротким, холодным, сырым летом. Но, захваченный работой, архитектор не думал об иной участи. В России он стал своим. И называли его теперь на русский лад — Андрей Трезин, Тресин, Друзин. Прошения он писал от имени Андрея Трезина и только подписывался неизменно по-итальянски «Доменико Трезини» или просто «Доменико».

В эти годы Трезини создал несколько триумфальных сооружений во славу русского оружия. На Выборгской стороне в 1709 году была заложена Сампсониевская церковь. Победа под Полтавой была одержана 27 июня, в день, который считался праздником святого Сампсония. Строительство храма-памятника осуществлялось, несомненно, под руководством Трезини.

В 1710 году на берегу Невы был заложен Александро-Невский монастырь. Его решили построить там, где, по преданию, произошла Невская битва 1240 года (подлинное место сражения русских со шведами — выше по течению Невы, в устье реки Ижоры, — было установлено позже). Создание

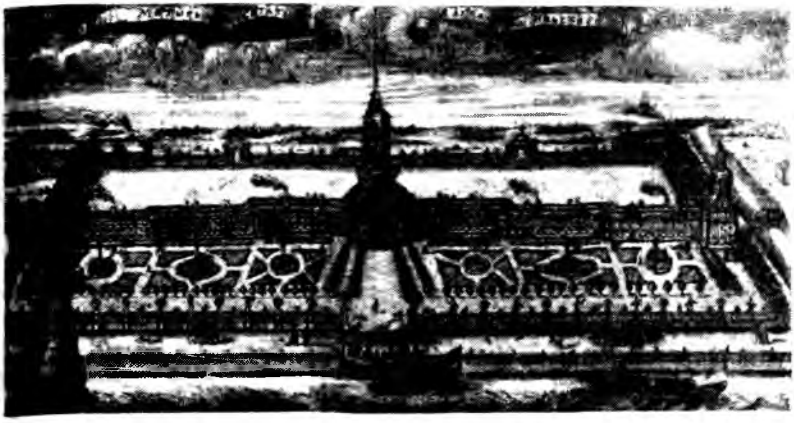
монастыря там, где еще недавно можно было ожидать нападения врага, должно было утверждать несомненность близкой победы России над своим давним врагом — Швецией.

Александро-Невский монастырь изображен в 1715—1716 годах на гравюре А. Зубова согласно подлинному проекту Трезини. Мы видим монастырский ансамбль, сочетающий в себе, с одной стороны, традиционные черты, присущие старинным русским монастырям, а с другой — особенности, характерные для архитектуры начала XVIII века. Архитектор расположил монастырь на берегу реки. По традиции в комплекс вошли несколько церквей, угловые башни, кельи, митрополичьи покои и прочие монастырские постройки.

Вместе с тем налицо здесь и новое. Архитектор отказался от ненужных теперь крепостных стен; их место занимают соединенные между собой, расположенные «покоем» корпуса и церкви. Главный фасад здания он вытянул вдоль берега реки. Центром ансамбля служил собор, который Трезини предполагал завершить остроконечным шпилем, явным предшественником шпиля Петропавловской колокольни. Обе стороны фасада уходят от этого композиционного центра вдоль берега Невы к угловым башенкам тремя уступами, умело найденными архитектором. Кажется, что зигзагообразная линия фасада вторит плавному волнообразному движению водных масс реки. Можно предположить, что именно Трезини повторил найденный им здесь прием в застройке набережной между 18-й и 22-й линиями Васильевского острова.

На гравюре Зубова перед главным фасадом монастыря на берегу мы видим небольшой партер с цветниками и подстриженными деревьями, окаймленный невысокой легкой оградой. По другую сторону монастырские здания образуют большой замкнутый двор. Извне туда ведут ворота, размещенные по центру напротив собора.

В отличие от древнерусских монастырей с их свободной планировкой этот ансамбль строго симметричен и напоми-



Сохранилось изображение Александро-Невского монастыря, каким задумал его Трезини.

Гравюра А. Зубова по чертежу Трезини. 1715—1716 гг.

нает дворцовые сооружения XVIII века. Своеобразное «обмирщение» церковной архитектуры на Руси, соответствовавшее требованиям жизни и вкусам уже во второй половине XVII века, получило дальнейшее и явственно выраженное развитие в архитектуре первой трети XVIII столетия. Даже при беглом взгляде на гравюру Зубова мы убеждаемся в светском характере монастырского ансамбля: на память приходят Большой Петергофский дворец или Екатерининский дворец в Царском Селе, с замкнутым двором — «циркумференцией», нашедшей место в монастырском комплексе.

Сравним проект Трезини с планом ныне существующей Александро-Невской лавры: то же каре, тот же уступчатый, обращенный к Неве фасад; между монастырем и берегом бывший партер, позже превращенный в кладбище и заросший

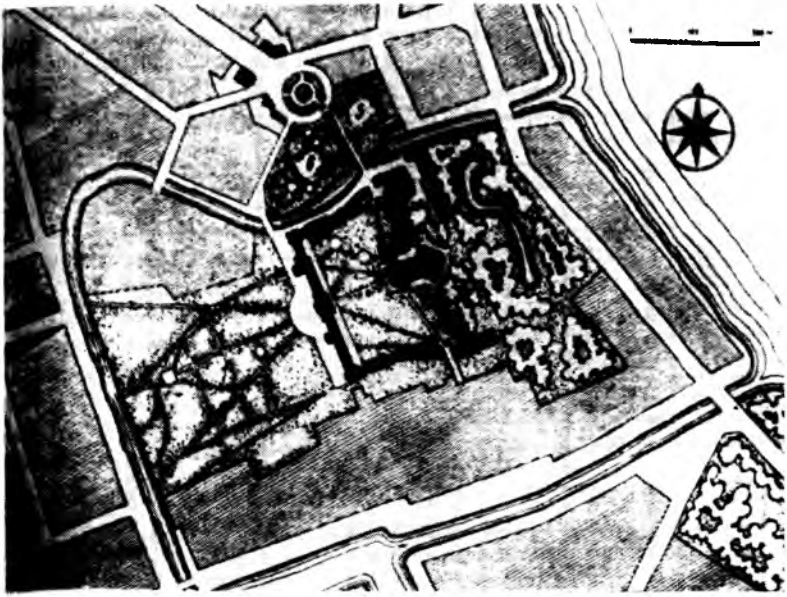
деревьями; на том же месте главная постройка монастыря — Троицкий собор, отделяющий партер от внутреннего двора; так же пролегает дорога вдоль Невы — нынешний проспект Обуховской обороны...

Создание монастыря продолжалось почти девяносто лет. В его осуществлении участвовали многие архитекторы. Однако несомненно, что в основу не только планового, но и стилистического решения комплекса лег проект Доменико Трезини и созданные им сооружения. Взглянем на построенную Трезини Благовещенскую церковь, расположенную в северо-восточной части монастыря. Это трехэтажное, прямоугольное в плане здание, завершенное высокой шатровой кровлей и увенчанное легким восьмигранным куполом с маленькой позолоченной главкой, видно издали. Красно-белые стены здания, их этажное членение, крыша своеобразной формы — все это напоминает многие творения Трезини — и жилые дома, и административно-общественные здания.

Между Благовещенской церковью и собором расположен Духовской корпус, созданный тоже по проекту Трезини. Во двор выходит его двухъярусная аркада, первоначально открытая, застекленная лишь в середине XVIII века. Галерея напоминает об одной из самых значительных работ Трезини — о здании Двенадцати коллегий, где появилась ей подобная.

Симметрично Духовскому расположен Федоровский корпус. Федоровский корпус и почти все существующие здания дворового каре были возведены архитектором М. Д. Расторгуевым в середине XVIII века. Стилистически образцом ему явно послужили Духовской корпус и Благовещенская церковь. Постройкой Федоровского корпуса Расторгуев завершил фасад монастыря в полном соответствии с проектом Трезини.

В 1770—1780-е годы к дальнейшему строительству монастыря привлекли архитектора И. Е. Старова. По его проекту был построен Троицкий собор на месте, соответствующем первоначальному плану. Старов проложил выход из мона-



Создание монастыря продолжалось почти девяносто лет...

Современный план Александро-Невской лавры.

стыря к Невскому проспекту, построил надвратную церковь и спланировал площадь, завершающую проспект и поныне. Если сегодня отсюда войти в Александро-Невскую лавру, ставшую историческим памятником — некрополем XVIII—XIX веков, то перед входом во внутренний двор монастыря, слева, мы и увидим построенную Трезини Благовещенскую церковь. В ней находятся могилы А. В. Суворова и многих государственных деятелей далекого прошлого. Сейчас это музей.

Благовещенская церковь — уникальный памятник начала XVIII века на территории лавры. Осматривая весь архитектурный комплекс монастыря, мы убеждаемся, что не только архитектор Расторгуев, но и все мастера, работавшие здесь, следовали общему проекту и художественному замыслу Трезини.

* * *

Так же, как и лавра, триумфальным памятником побед в Северной войне был Летний дворец Петра I, расположенный у выхода из Невы безымянной речки, впоследствии названной Фонтанной. Эта официально-представительная летняя царская резиденция была заложена здесь еще в 1704 году. Уже тогда начали разбивку сада. Там устраивались всевозможные «водяные затеи», строились трельяжные беседки, павильоны, было построено первое деревянное здание Летнего дворца — небольшой домик «голландского фасада, пестро раскрашенный, с золочеными оконными рамами».

Через шесть лет, 18 августа 1710 года, «начали бить сваи под здание» каменного Летнего дворца — первого каменного дворца в Петербурге. Он сохранился доныне. Это двухэтажный, прямоугольный в плане дом. Цоколь его выложен из тесаного камня. Крутая черепичная крыша первых лет позже была заменена железной. Венчает здание небольшой ажурный металлический флюгер, изображающий Георгия Победоносца, поражающего змея. Это аллегория победы России над врагом. Лепной фриз, рустованные углы здания и декоративные наличники окон украшают дворец, делают его нарядным. Между окнами обоих этажей по приказанию Петра I были помещены двадцать девять намазных известковых барельефов. Здесь использованы сюжеты античной мифологии, в аллегорической форме повествующие о могуществе и славе России — морской державы. Эти же мотивы звучали и в скульптурном убранстве сада.

Взглянем на построенную зодчим церковь в лавре.

Трезини. Благовещенская церковь. 1717 — 1722 гг. Фотографии

По своему характеру и внешнему виду дворец, как и дома на Городовом острове, тоже предшествовал тем «образцовым» проектам домов, которые несколько позже были введены в практику строительства. В архитектуре жилых домов этого времени утверждается такая же рациональная схема: прямоугольное в плане здание, как правило двухэтажное, с высокой крышей, рустованными углами, высоким цоколем.

В трудах и заботах годы бежали незаметно. Незаметно рядом с Трезини росли его ученики. Еще в 1705 году Петр I направил на берега Невы двух строителей — Ивана Матвеева и Федора Васильева, которые в документах именовались «архитектами». Первый работал в Летнем саду и специализировался в области фонтанного дела (после его смерти в 1707 году Трезини продолжил эти работы), второй — при Адмиралтействе.

Трезини вместе с Васильевым разрабатывал проекты домов для застройки Дворцовой набережной, по которой с этого времени дома ставили «единою фасадою в линию» от Летнего сада к палатам Ф. М. Апраксина, стоявшим на месте будущего Зимнего дворца. Гравюра Х. Марселиуса, выполненная в 1725 году, дает некоторое представление об этой набережной. По сравнению с петровским временем за прошедшие два с половиной столетия дома на набережной «выросли», обогатились убранством, многие из них уже перестроены, но стоят они по-прежнему «в линию», «единою фасадою», поставленные вплотную один к другому.

1710 год принес Трезини еще одну удачу: учеником его, а затем и соратником стал двадцатидвухлетний Михаил Земцов. Многие годы работал он совместно с Трезини. Началось это сотрудничество в период создания летней царской резиденции.

Трезини «со всяким прилежанием» обучал и других молодых русских мастеров. Вместе с главным архитектором Петербурга русские ученики его выполняли огромные по тому

Между Благовещенской церковью и собором расположен Духовской корпус...

Трезини. Духовской корпус. 1717 — 1730 гг. Фотография.

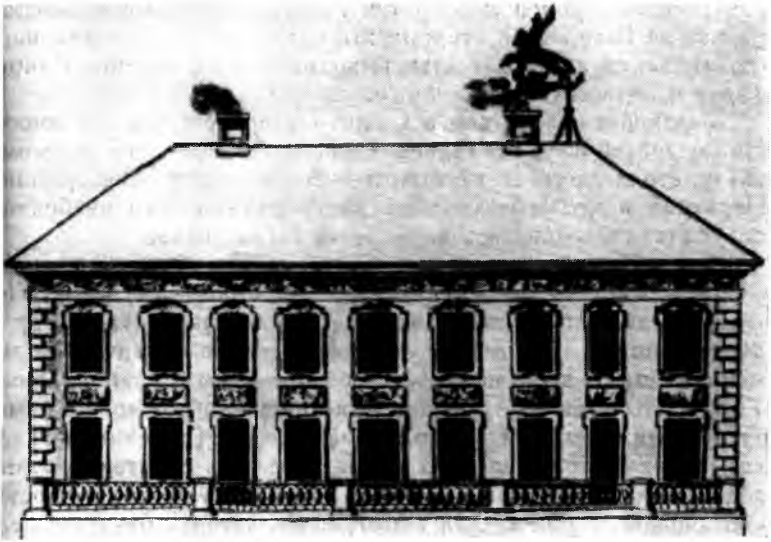
времени работы, которые находились в ведении Канцелярии городовых дел.

Петербург представлял собой теперь громадную стройку. «Окно в Европу», прорубленное Петром I, уже было весьма полезным для страны. Город раскинулся по берегам широкой, полноводной реки, открывавшей путь к нему большим и малым торговым кораблям под всеми флагами. Быстро рос приток товаров. Множились политические и культурные связи с разными странами.

Значение Петербурга в жизни России становится первостепенным. В 1712 году царский двор переезжает в Петербург. Этот год принято считать датой перенесения столицы на берега Невы. Строительство города теперь расширяется еще более.

Трезини, наряду со многими другими работами, поодолжал строить в Санкт-Петербургской крепости. Уже шесть лет возводились ее каменные бастионы и стены. Настало время перестроить в камне обветшалую Петропавловскую церковь. Архитектор внимательно присматривался к старым «шпицам». В его воображении они сливались в один легкий, словно отточенный шпиль. Он должен был вознестись над строениями и невысокими стенами крепости, распластавшейся на низком острове, над широкой, полноводной Невой. В памяти архитектора возникали островерхие, но тяжелые и мрачноватые соборы Дании, церкви в Нарве, радостные, легкие колокольни Москвы. Но это сооружение должно было стать не виданным еще воплощением триумфа новой России, утвердившейся на Балтике, на невских берегах, стать символом новой столицы — Санкт-Петербурга. Трезини разработал оригинальный проект.

В 1712 году состоялась закладка каменного собора. Петр торопил, требуя «поспешать» с колокольней. Она строилась всего восемь лет, хотя строительство собора в целом растянулось на двадцать один год и было окончено в 1733 году.



В 1710 году „начали бить сваи под фундамент“ каменного Летнего дворца.

Летний дворец Петра I. Рисунок М. Земцова. XVIII в.

Петр I, вернувшись на берега Невы после Полтавской баталии, приказал и «городовым строением поспешать». В 1710 году царским указом было предписано перевести в Санкт-Петербург из других мест «на вечное житье» множество мастеровых людей. Около пяти тысяч семей «переведенцев» расселились на Адмиралтейской стороне, там, где позднее возникла Казанская улица (ныне улица Плеханова), и образовали так называемые «переведенские слободы». Каменщики, подведомственные Канцелярии городовых дел,

селились на Городовом острове. А в районе Сампсониевской церкви на Выборгской стороне выросла слобода Сенявинского батальона, где жили солдаты, находившиеся в ведении Канцелярии и ее директора Сенявина.

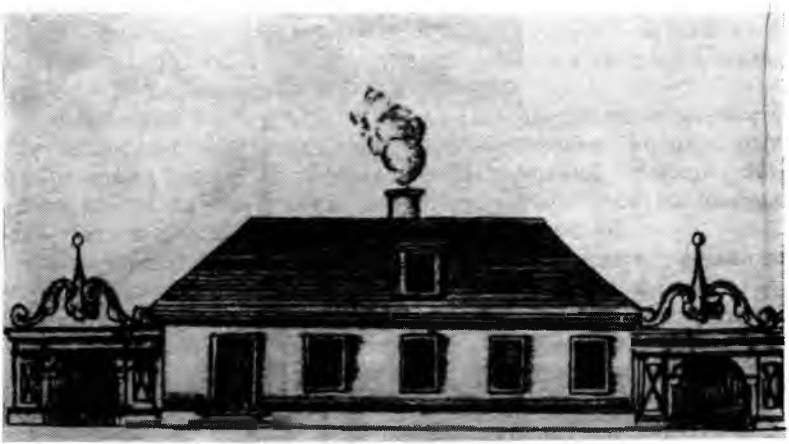
Желающих поселиться в Санкт-Петербурге было немного. Не по доброй воле съехались сюда мастеровые, по царскому указу стоял здесь и гарнизон — Белозерский, Выборгский, Пермский и другие полки; по долгу службы или из боязни ослушаться обосновалась на берегах Невы знать.

Все более крутые меры применял Петр для заселения города. Указ от 3 июля 1714 года «О строении в Санкт-Петербурге домов палатным людям, царедворцам, купечеству и ремесленникам» предписывал летом и осенью строиться, а зимой переезжать всем, невзирая на лица, чины и звания. После 1709—1710 годов для уменьшения опасности пожаров на смену деревянным домам приходят мазанковые (деревянный каркас, обмазанный глиной). В 1711 году Петр собственноручно заложил на Городовом острове у моста, ведущего в крепость, «образцовые мазанки» для типографии, которая печатала первую русскую газету «Ведомости». Мазанковыми должны были быть как жилые, так и общественные здания, за исключением тех, которые строились по набережным. Но мазанки не привились в Петербурге, они были недолговечными и не спасали города от главного бедствия тех лет — пожаров.

В Петербурге усилилось каменное строительство, и особенно по берегам Невы — столь важного теперь для России водного тракта. 9 октября 1714 года был обнародован указ «О запрещении на несколько лет строить во всем Государстве каменные домы». В нем говорилось: «Запрещается во всем Государстве на несколько лет (пока здесь удовольствуются строением) всякое каменное строение, какого бы имени ни было, под разорением всего имения и ссылкою». Строиться можно было только согласно указу, в зависимости от состояния и социальной принадлежности.

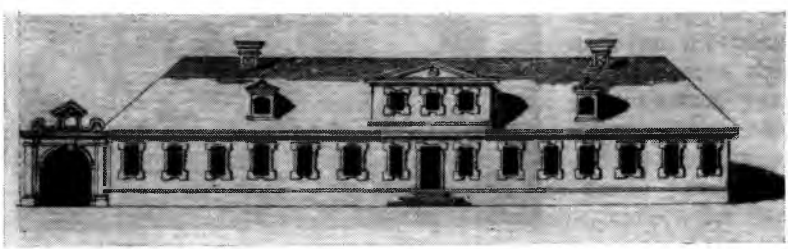
Архитектор внимательно присматривался к „шпицам“ старой деревянной церкви...

Церковь Петра и Павла. Гравюра А. Рудакова. XVIII в.



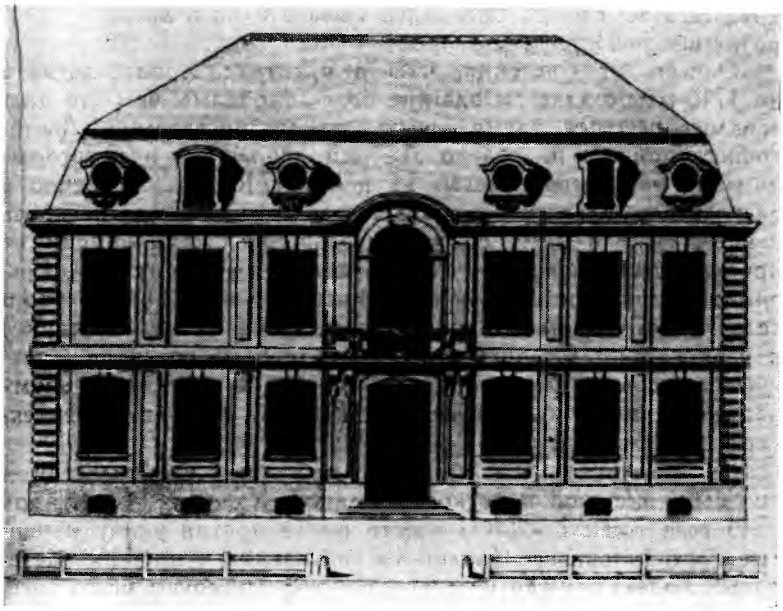
Архитектор разработал „образцовые“ проекты домов „для подлых“ — людей податного сословия...

Трезини. Дом „для подлых“. Гравюра Пикара. XVIII в.



...И „для зажиточных“.

Трезини. Дом „для зажиточных людей“. Гравюра. XVIII в.



...Проект дома „для именитых“ следует считать выполненным другим архитектором.

Ж.-Б. Леблон. „Дом для именитых“. Гравюра А. Ростовцева. XVIII в.

Архитектор Трезини разработал «образцовые» проекты домов «для подлых» и «для зажиточных»: первые — одноэтажные, с дверью и четырьмя окнами по фасаду, вторые — тоже одноэтажные, но в четырнадцать окон, с дверью в центре фасада и мезонином в три окна.

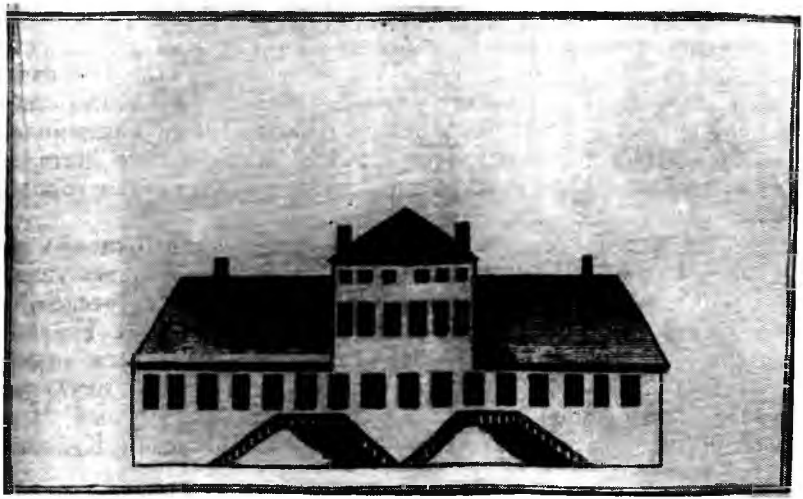
Дома «для именитых», до последнего времени приписываемые Трезини, на основании недавних исследований следует считать выполненными Леблоном в конце 1716 года. Это

двухэтажные дома на семь осей (шесть окон и дверь в центре), с высокой крышей.

Однако нет сомнения, что в практике строительства и до 1716 года создавали здания более парадные, чем это диктовалось первыми двумя «образцовыми проектами». Достаточно вспомнить не только Летний дворец, но и некоторые дома на набережной Невы. И после 1716 года, особенно в застройке Васильевского острова, где строительство началось заново, строили дома со значительными отступлениями от проекта «для именитых». Автором многих из них был Трезини; к этому времени он приобрел большой опыт в строительстве жилых домов и использовал все наиболее практичное и рациональное. Строить хуже «образцовых» проектов запрещалось, но «кто пожелает дом себе лутче построить, оному надлежит явитца у Архитектора Тресина, объявить архитектору и потом строитца».

Регламентация касалась всех работ по строительству — она была жестокой и неукоснительной. Указ от 14 сентября 1715 года грозил: «Дабы нихто нигде против указу и чертежа архитекторского (включая солдатских и нисших мастеровых людей) отнюдь не строился под лишением всего того, что построил». Дома надлежало строить «по вехам», соблюдать красную линию застройки улицы или набережной, делать деревянные тротуары, уложенные вдоль домов, фундаменты закладывать только каменные, рыть водосточные каналы, не «выводить» на улицу заборы и конюшни. Тем, кто селился по берегам, приказано было бить сваи против дома, укрепляя берег и подготавливая этим создание набережных, а коли кто ослушается, дворы их «будут отписаны на государя».

В эти годы строительство охватило и часть так называемой Московской стороны (участок от Смоляного двора в сторону Фонтанки — район нынешней улицы Воинова). Еще в 1712 году Петр I поручил Трезини выполнить проект пла-



В доме Натальи Алексеевны, вместительном, с высокой крышей, как у боярских палат, расположилась Канцелярия городовых дел.

Дом Натальи Алексеевны. Чертеж. XVIII в.

нировки этого района. Строительство и здесь тяготело к Неве. На ее берегу, неподалеку от Фонтанки, расположился Пушечный двор, далее Литейный и Артиллерийский дворы. От Литейного двора в сторону Невской «першпективной дороги» была проложена Литейная «першпектива». За ней выше по берегу Невы, до Воскресенского проспекта (ныне проспект Чернышевского), находился аристократический квартал с домами жены царевича Ивана Марфы Матвеевны и сестры Петра I Натальи, его сына Алексея и генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса.

Каменный дом Натальи Алексеевны находился на месте ныне существующего здания церкви, построенной в начале

XIX века архитектором Л. Руска (ныне улица Воинова, 35). Это было вместительное здание, с высокой крышей по типу боярских палат. Фасад дома прорезали шестнадцать окон, над центральной частью его возвышались еще два этажа с шестью окнами в каждом. Детали отделки тоже напоминали московскую архитектуру конца XVII века. В доме Натальи Алексеевны с 1716 года расположилась Канцелярия городовых дел.

Места для заселения Московской стороны отводил по царскому указу Доменико Трезини. «И все таковые указы и приказы на письмо мне не даны были, но словесно», — вспоминал архитектор. В планировке этого района Трезини впервые использовал систему взаимнопересекающихся линий, которые должны были идти параллельно и перпендикулярно Неве. Это ныне существующие проспекты — Литейный, Чернышевского и улицы — Потемкинская, Воинова, Каляева, Чайковского.

С 1715 года указы Петра I по Канцелярии городовых дел стал получать ее новый директор обер-комиссар столицы А. М. Черкасский. Неизвестно, что побудило Петра сменить инициативного и опытного Сенявина человеком, о котором сохранилось много нелестных отзывов: «несмел», «весьма посредственен разумом, ленив, не знающ в делах, одним словом, таскающий, а не носящий свое имя»; описание внешности этого человека удачно дополняет эти суждения: «...фигура Ч. более широка, чем длинна, голова его слишком велика и склоняется к левому плечу, ноги коротки». В 1719 году Петр отослал его из Петербурга, назначив сибирским губернатором. Несмелый и ленивый Черкасский пережил Петра и многих его сподвижников. При Анне Иоанновне он возвысился до кабинет-министра, и, вероятно, его инертность помогла ему благополучно пережить самые критические и опасные годы дворцовых переворотов. Понятно, что в петровском Петербурге такой безликий человек мог быть лишь

Директором Канцелярии городовых дел стал медлительный и робкий человек...

Портрет А. М. Черкасского. И. П. Аргунов. Масло. XVIII в.

номинально директором Канцелярии, управлявшей многочисленными стройками. Делом, по-видимому, руководил Трезини. Все большее значение приобретала работа Трезини по подготовке молодых архитекторов «из русских». В эти годы произошли существенные сдвиги в системе их обучения. Если в первые годы они учились практически на стройке или лично у архитектора Трезини, то после Гангутской победы в Петербурге была основана Морская академия. В ней наряду с математикой и военными дисциплинами преподавали политику, геральдику, гражданскую архитектуру и иностранные языки. Разместилась она в доме А. В. Кикина у Адмиралтейства, к которому пристроили несколько мазанок.

В мае 1714 года Петр I предписал адмиралу Ф. М. Апраксину принять из московской Навигационной школы двадцать юношей и к приезду их приготовить избы «где их учить». Так было положено основание архитектурной школе при Морской академии. Первыми среди учеников, приехавших в Петербург, были Иван Коробов и Иван Мордвинов. А через год последовал еще один важный указ: «Которые есть в России знатных особ дети, тех всех от 10 лет и выше высылать в школу Санктпетербургскую, а в чужие края не посылать...»

Учились у Трезини русские и иностранцы. Некоторых учеников он поселял у себя в доме и держал на своем «коште». К этой работе он относился «со всяким прилежанием», и как только учеников, получивших опыт и знания, забирали у него, архитектор просил прислать других, «которые ежели возымеют охоту, будем обучать рисованию, чертежам и прочей науке».

Наступил 1716 год. Петербург и его возможности стали притягательны теперь для многих иностранных архитекторов: одни устремлялись на берега Невы за славой, другие — за деньгами, третьи — в надежде получить большую практику. Прибывали они сюда по приглашению Петра I, который стремился использовать их опыт, знания, а порой и известное

Весной 1714 года адмирал Апраксин принял в Морскую академию двадцать юношей: им надлежало изучать архитектуру...

Портрет Ф. М. Апраксина. Гравюра. XVIII в.

имя, чтобы еще раз привлечь внимание в Европе к строительству. Но никто из них не смог поколебать роли и значения Трезини и работавших с ним русских мастеров в создании молодого города. За прошедшие тринадцать лет этой работы определились многие принципы застройки, неуклонно влиявшие на дальнейшее строительство. Петербург постепенно приобретал самобытный архитектурный облик. Иностранные архитекторы, прибывавшие теперь в столицу, шли в своей работе уже проложенной дорогой. Но большинство из них оставалось в Петербурге недолго: одни возвращались на родину, не преуспев в трудах, а некоторые умирали, не выдержав суровых условий жизни.

Одним из первых еще весной 1713 года прибыл знаменитый архитектор, строитель королевского замка в Берлине, А. Шлютер. Назначен он был сразу же «баудиректором» — главным архитектором — с окладом пять тысяч рублей в год (Трезини получал не более тысячи). Работал А. Шлютер в Летнем дворце, выполняя там некоторые барельефы. Через год он умер. Одновременно со Шлютером приехал Г. Шедель, которого привлек Меншиков к строительству своих резиденций в Петербурге и Ораниенбауме. Как рисовальщик прибыл Браунштейн, работавший затем в Петергофе. Т. Швертфегер неудачно продолжил строительство Александро-Невского монастыря. В 1714 году приехал немец Г. Маттарнови. Ранняя Исаакиевская церковь, построенная по его проекту, очень напоминала возводившийся тогда Петропавловский собор. Он начал работу над Кунсткамерой и через пять лет умер.

Среди иноземцев были и такие, как Н. Микетти, который, как характеризует его агент Петра I за границей Ю. Кологривов, «хотя и знатный каменщик, а ныне знатно он манжеты одев и замарать их не хочет». В 1723 году он сбежал на родину, не возвратив в Канцелярию денег, данных ему для исполнения различных поручений. Весной 1716 года в Петер-

Трезини создал первый план застройки города, утвержденный царем в 1716 году...

Трезини. План Петербурга. 1716—1717 гг.

бург приезжает скульптор-итальянец Бартоломео Карло Растрелли со своим сыном, будущим архитектором. Наконец, из Франции прибыл королевский архитектор 37-летний Жан Батист Леблон. Покоренный титулами и громким именем,

Петр возлагал на него большие надежды. Он назначает Леблона главным архитектором столицы, дает ему звание генерал-архитектора и подчиняет ему остальных архитекторов Петербурга.

9 августа 1716 года Меншиков собрал всех архитекторов в Канцелярии городовых дел. Явились туда Трезини, Растрелли, Маттарнови, Браунштейн, Леблон и другие. Меншиков объявил волю государя — чтоб «онаго Леблона были послушны».

Горько было Трезини уступать место стороннему для дела его жизни человеку. Но отныне без подписи Леблона на чертежах строить было нельзя.

Это известие пришло еще тогда, когда архитектор работал над генеральным планом Петербурга. Трезини создал первый план застройки города, он был утвержден Петром I 1 января 1716 года, за полгода до назначения Леблона. До нашего времени он не сохранился, но, несомненно, что план 1717 года, который был выгравирован на меди и издан в Лондоне, Париже, Нюрнберге и Амстердаме, был одним из его вариантов.

Центром города, согласно этому плану, должен был стать Васильевский остров, омываемый с запада водами Финского залива. Это самый большой остров города, восточная стрелка которого словно разрезает Неву на два рукава — Большую и Малую Неву. Петр считал необходимым приблизить город к морю, за выход в которое еще шла борьба, обратить его лицом к Балтике. Теперь, когда угроза нападения шведов была устранена, это стало возможным. Несколько раньше думали о том, чтобы вынести «столичный» центр на остров Котлин. Сохранился план «Столичного города на острове Котлине» (1712 год), автором которого был, вероятно, также Трезини. Именно там поначалу предполагал Петр поселить принудительным порядком купцов, дворян и ремесленников. Однако идея создания центра города на острове посреди за-

лива была сомнительной. Васильевский остров больше подходил для этой цели.

В походном журнале Петра I как важное событие отмечается его поездка на санях по острову 25 октября 1715 года. К этому времени там уже существовала усадьба Меншикова: дворец, церковь и сад. Она занимала обширную территорию, пересекая остров с юга на север, от Большой Невы до Малой. Остальная часть Васильевского острова застроена не была.

Трезини предполагал расчленить остров системой каналов, а также бассейнов, где могли бы разворачиваться суда. Обращает на себя внимание геометрическая правильность планировки, предлагаемой Трезини. Этот вариант уже не раз продумывался архитектором: такая планировка была намечена и частично осуществлена в застройке Московской стороны, а еще ранее представлена в плане «Столичного города на острове Котлине».

С востока на запад Васильевский остров пересекала просека, ставшая впоследствии Большим проспектом, а перпендикулярно к ней должны были пройти улицы-каналы. Ближе к восточной части отводилось место для общественных зданий и размещения государственных учреждений. На стрелке острова с ее прекрасным видом на крепость и просторы Невы должны были поселиться родственники царя и знать. Набережные предполагалось застроить каменными зданиями, а в глубине острова по берегам каналов строить мазанки и деревянные дома.

Большим бедствием для молодого Петербурга были наводнения. С 1703 по 1725 год их было одиннадцать. Чтобы обезопасить жизнь и имущество населения, Трезини предложил в домах на Васильевском острове делать пол на три фута выше обычного. Кроме того, он предполагал создать систему особых укреплений по берегам залива и Невы. И вот теперь, в разгар работы над планом Петербурга, появился Леблон, которому поручили трудиться над таким же планом.

Состоялся творческий поединок архитектора, отдавшего лучшие годы жизни строительству Петербурга, и европейски известного, но чуждого реальной петербургской действительности заезжего специалиста.

Леблон поспешно, за какие-нибудь полгода, разрабатывает план города. Его не устраивает все созданное до него. По словам Меншикова, Леблон «все строение ругает... обещая всему сделать собственные проекты».

В основу своего замысла Леблон положил отвлеченную идею города-крепости, вписав план Петербурга в геометрически правильную фигуру — эллипс. Схема эта была основана на градостроительных принципах итальянских и французских теоретиков архитектуры, примененных совершенно формально.

Заключая территорию города в произвольно избранную им форму эллипса, Леблон отвлекался от реально существовавших частей города. За пределы схемы вышли Троицкая площадь, часть Адмиралтейской стороны и даже Летний сад...

Согласно ранее принятой идее Петра центр города Леблон наметил на Васильевском острове. Однако он совершенно не учитывал приморского положения Петербурга и, вместо того чтобы обратить его фасад к морю, отделил Васильевский остров от залива крепостными сооружениями. Он не понял идеи создания города-порта, открытого к морю. Не понял Леблон роли Невы в жизни и облике Петербурга. Полностью отвлекся он и от остальных топографических и климатических условий.

Он наметил в городе центр — площадь с дворцами царя, вельмож и с правительственными зданиями. Здесь же предполагались церкви, рынки, биржи. Но расположил он последние безотносительно к реально существовавшим условиям — в равновеликих квадратах, расчерченных на плане. Жилища «подлого люда», огороды и кладбища он предлагал вынести за пределы столицы. Осуществление этого плана требовало

В основу своего замысла Леблон положил отвлеченную идею города-крепости...

План Ж.-Б. Леблона. 1717 г.

сноса или основательной перестройки уже созданных частей города.

К плану Петербурга, составленному Леблоном, была приложена записка. Архитектор был крупным теоретиком, и в ней мы находим ряд разумных предложений. Но принцип планировки Петербурга, предложенный им, был совершенно абстрактным и поэтому несостоятельным.

Леблон и Трезини работали над проектом в отсутствие Петра: царь находился в продолжительной заграничной поездке. Отчитаться в своей работе они должны были осенью 1717 года.

Вернувшись в Петербург, Петр рассмотрел планы города, и в частности Васильевского острова. Проект Леблона его разочаровал, он назвал его «противным естеству» и отверг. Проект Трезини был принят. И не случайно. Трезини был не только первым архитектором Петербурга. Трезини-градостроитель сам сформировался в процессе роста и развития этого города. Он глубоко понимал значение его для страны, видел неразрывную связь его жизни с морем и Невой и вел все строительство сообразно этому. На берегах Невы строил он дома и дворцы, возводил колокольню и суровые стены Петропавловской крепости, почитая величественную северную реку за главный «проспект» будущего города. Понимал он и значение Васильевского острова как части территории города, обращенной к морю. Всего этого не учитывал Леблон.

Дальнейшая работа знаменитого в Европе Леблона свелась к организации в столице ряда школ резьбы по дереву и к созданию рисунков первых петербургских фонарей. Вскоре королевский архитектор неожиданно умер от оспы.

Застройка Васильевского острова была осуществлена по проекту Трезини. Идея перенесения центра города на Васильевский остров стала претворяться в жизнь. 4 ноября 1714 года был подписан первый указ о застройке острова. Купецким людям предписывалось «строиться на Васильевском острову, а строение — мазанки или каменное». За ним последовали другие. С каждым годом они становились все более грозными: «Буде же сей наш указ преступит под какою оговоркой ни есть... то... казнен будет смертию без всякие пощады и чтобы никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину впадет».

Указы оглашались на Троицкой площади, куда народ созывали барабанным боем, чтобы никто не мог «отговориться неведением». Но переселение тем не менее шло с большим трудом. Среди ослушников были и люди близкие самому Петру — Брюс, Строгановы и другие.

Прежде всего переселению подлежали купцы и дворяне, «не по праву» жившие на Московской и Адмиралтейской сторонах. Полицмейстерской канцелярии предписывалось ломать кровли домов «ослушников». Но понятно было нежелание переселяться: не успели еще устроиться на одном месте, как приказано было со всем скарбом переезжать на еще совсем не обжитые места. Пугали жителей нового города и близость моря, и холодные ветры, и наводнения, наиболее разрушительные в этих местах.

Приказано было деревянные дома строить по линиям-каналам острова, а каменные — по берегам Невы. Всего по регламенту, как докладывал Трезини А. Д. Меншикову, полагалось за пять-шесть лет построить 1758 домов. Поставлено же было 463, из них три четверти домов деревянных.

Переселяли и жителей Греческой слободы. Трезини со своей семьей перебрался оттуда на Васильевский остров по собственной воле. Ему важнее всего была близость к стройке.

В небольших уличках на участке между нынешними Биржевым переулком и Кадетской линией в те далекие времена жили архитекторы, садовники и мастеровые князя Меншикова. Далее, между Первой и Седьмой линиями, располагалась Французская слобода, состоявшая из небольших изб, где селились иностранцы, среди них — Ж.-Б. Леблон и скульптор Б.-К. Растрелли с сыном. На ранних планах города в этом районе указаны улицы с надписями «Механиков» и «Архитекторов». Трезини поселился в доме, находившемся на берегу Малой Невы, неподалеку от нынешнего Тучкова моста. Дом, вероятно, был деревянным. Рядом расположились пеньковые амбары, здесь же был и рынок, прозванный «Трезиным». Не раз в этом доме посещал архитектора Петр. Трезини, забыв обиду, горячо обсуждал с ним новые замыслы и планы строительства. Так, 23 октября 1718 года Петр «откушал у Меншикова в 12 часу и осматривал чертежи» у Трезини. Склоняясь над планами города, они мысленно представляли

себе его будущее. Зодчий и «царь-плотник» в этом хорошо понимали друг друга.

Молодой Петербург поражал и восхищал европейцев «...Город этот уже и теперь велик, а если царь еще поживет, сделает из него громадину», — писал один из них, посетивший столицу в 1720 году.

К этому времени не только облик, но и быт и жизнь Петербурга ничем не напоминали старой патриархальной Москвы. Новая столица жила напряженной, насыщенной жизнью Средневековая старинная замкнутость была ей чужда. Ассамблеи, маскарады, торжественные смотры флота, празднества в честь знаменательных событий придавали быту столицы не виданный еще характер. Ассамблеи устраивались в Почтгаусе — Питейном доме у Марсова поля, перестроенном Трезини в 1716 году из первоначального, деревянного, и не только там. Торжества сменялись казнями, жестоко карались измена, взятки, казнокрадство. На Троицкой площади в течение нескольких недель не снимали с виселицы труп лихоимца Матвея Гагарина, бывшего московского и сибирского губернатора. Под недостроенной колокольней Петропавловского собора был погребен казненный за измену царевич Алексей.

Летом 1720 года работы по сооружению Петропавловской колокольни подходили к концу. Золотили медные листы для обшивки шпиля, собор же продолжал строиться «исподволь». 21 августа Петр, его ближайшие сподвижники и Трезини поднялись на колокольню и там, казалось под облаками, слушали звон курантов. С тех пор не было, пожалуй, именитого гостя в Петербурге, которого не пригласили бы подняться туда. Дух захватывало не только от высоты, но и от чудесной панорамы теперь уже обжитых невских берегов.

Вечерами, после трудового дня, архитектор частенько выходил из своего дома на берег Малой Невы. Вдали четко вырисовывался силуэт Петропавловской крепости — детища Трезини. Наполовину были возведены теперь новые кирпич-

...Не было, пожалуй, именитого гостя, которого не пригласили бы подняться на колокольню собора.

Панорама А. Зубова. XVIII в. Деталь.

ные стены фортеции, начато строительство собора, гордо поднималась над Невой его колокольня. Она еще не была обшита металлическими листами, которым предстояло подчеркнуть ее безукоризненные пропорции, но они угадывались.

Среди построек города высокая колокольня была неожиданной. Она привлекала взгляд и давала ему отдых от однообразия равнинных просторов и низких домов. Ярусами поднималась она ввысь. Словно вырастая один из другого, они поддерживали деревянную конструкцию стремительного и, казалось, легкого шпиля, который архитектор предполагал завершить фигурой ангела с крестом, словно летящего над городом.

Начали строить колокольню вскоре после побед, одержанных под Полтавой и Выборгом, завершали ее в канун Ништадтского мира. Он был подписан 30 августа 1721 года.

В первые сентябрьские дни на всех площадях и улицах Петербурга с раннего утра и до поздней ночи объявляли о мире под звуки литавр и труб. Голштинский камер-юнкер Ф. В. Берхгольц — свидетель празднества — записал: «Литавры были покрыты белою тафтою, а трубачи и следовавшие за ними всадники имели белые шарфы или повязки и держали белое знамя с изображением двойной масличной ветви с лавровым венком наверху».

Праздничный маскарад начался на Троицкой площади перед старым зданием Сената и продолжался восемь дней. В программу маскарада входила поездка по заливу в Кронштадт. Под угрозой «штрафа» в сто рублей все должны были согласиться на это. А затем — в Петергоф. На празднествах в честь победы бывал и Трезини. Осенью 1723 года в одном из таких маскарадов он, одетый в свой национальный костюм швейцарца, следовал во время торжественного шествия в одиннадцатой паре с генерал-майором артиллерии Гинтером. Несомненно, что места в этом шествии были регламентированы. Впереди шли члены царской семьи и крупные вельможи. Не случайно Трезини отводилось почетное место в первой паре второго десятка. Он был не только первым архитектором столицы, но и близким Петру человеком.

22 октября 1721 года Петербург встречал тайного советника коллегии иностранных дел А. И. Остермана и генерал-фельдцехмейстера Я. В. Брюса, которые были уполномочены Петром I подписать мир в Ништадте. Этот день и стал днем провозглашения мира. После богослужения в церкви св. Троицы канцлер Г. И. Головкин произнес речь, которую закончил обращением к Петру — принять титул императора. Россия стала именовать себя империей. Этим подчеркивалось новое положение и роль страны на международной арене, ее равное

Оформление фейерверка в честь победоносного окончания Северной войны.

Гравюра. XVIII в.

положение с сильнейшими странами Европы. Выйдя на Балтику, Россия стала морской державой и превратилась в могущественное государство. Империю признали побежденная Швеция, затем Голландия, а позже Англия, Австрия и Франция.

Все это принесло с собою победоносное завершение Северной войны, войны за возвращение искони русских приморских земель. Вот почему так празднично было в осенние дни 1721 года в Петербурге.

Над Невой гремели залпы салюта с Петропавловской крепости, Адмиралтейства и ста пятидесяти галер, стоявших перед зданием Сената. Вечером праздничный фейерверк осветил город, выстрелы сотрясали воздух и звуки их смешивались с колокольным звоном. Дома были освещены свечами,

на улицах полыхали смоляные бочки. Очевидец писал: «Огонь был так велик, что все казалось объято пламенем и можно было подумать, что земля и небо готовы обрушиться». Петр щедро одарил дипломатов Брюса и Остермана. Последний получил титул барона и дом на Васильевском острове. Это было каменное здание, предназначавшееся для Трезини. Оно стояло на берегу Большой Невы, на углу 12-й линии. Еще в 1718 году Петр «указал» Трезини построить дом, «образцовый» для застройки набережной и самому в нем поселиться. Предписывая указом 1721 года отдать уже готовый дом Остерману, Петр повелел выстроить для Трезини новый «в полтора кирпича... на десяти саженях» здесь же, на набережной. Это здание сохранилось до нашего времени. У моста Лейтенанта Шмидта в глубь острова уходят 4-я и 5-я линии. Второй дом на набережной от угла 5-й линии в сторону 6-й (Университетская набережная, 21) — дом Трезини. Он надстроен на два этажа (кроме мезонина), но и сейчас видны его основные членения. Был он двухэтажным и тоже представлял собой один из вариантов жилых домов, разработанных Трезини для застройки набережных.

Венчал здание небольшой мезонин в три окна. Крыша была высокая, шатровая. Между окнами первого и второго этажей — филенки простого рисунка. Углы дома и центральная его часть были подчеркнуты лопатками. К входной двери вело крыльцо с двумя лестничными маршами. Крыльца, столь типичные для древнерусских палат, стали неотъемлемыми в строительстве петербургских домов и даже общественных зданий. Они украшали их, подчеркивали центральную часть дома и вход в него со стороны набережной или улицы. Спуски к Неве как бы продолжали движение их линий, словно указывая на роль Невы в жизни горожан. Строительство дома Трезини продолжалось почти пять лет, до 1725—1726 годов. За работами следили сам архитектор и его ученик Михаил Земцов. К этому времени он выполнял многие работы

Дипломат А. И. Остерман получил титул барона и дом Трезини на Васильевском острове.

Портрет А. И. Остермана. Неизвестный художник. Масло. XVIII в.

самостоятельно. М. Г. Земцову было в это время более 30 лет. Он выполнял работы в Летнем саду, по его проекту строилось там «зало славных торжествований» на том месте, где позже была установлена замечательная решетка, на берегу Невы, у Лебяжьей канавки. В Петербурге выполнял он работы Канцелярии от строений, проектировал здания для Петергофа и Ревеля.

В доме на набережной Большой Невы Трезини прожил до конца своих дней.

Строиться Трезини было нелегко: не хватало времени для себя, да и личных средств его было недостаточно. Сохранилось письмо, в котором архитектор обращается за помощью к кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову и к У. А. Сенявину, а через них к императору, находившемуся тогда в Москве: «И прошу покорно вашего превосходительства, ежели благополучный час улучится, замолвить о мне доброе слово Его Величеству с превосходительным господином директором Ульяном Акимовичем, понеже определенным жалованьем истинно пробавляюся с своею фамилиею с немалою нуждою, как о моей работе и нужде известно моему государю, отцу У. А., о чем я к его милости послал челобитную».

Набережная Васильевского острова в те годы постепенно застраивалась вниз по Неве, от дома Трезини. И сегодня, присматриваясь к домам на набережной между 5-й и 21-й линиями, легко можно заметить в некоторых из них черты и особенности архитектуры первой четверти XVIII века. Большинство из них находится на участках, размеченных «вехами» в те далекие времена. Многие из этих домов, несомненно, были построены при непосредственном участии и по замыслу Трезини.

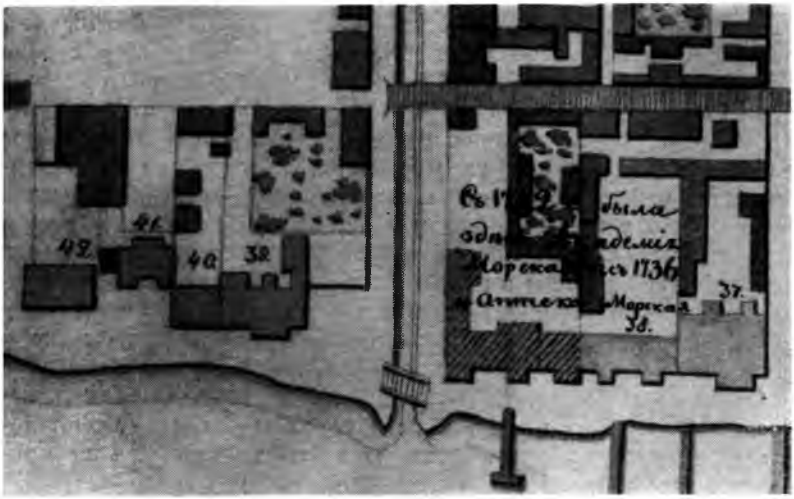
Но в целом план превращения Васильевского острова в центр города претворялся с трудом. В 1722 году Трезини сообщил Меншикову, что из 483 двухэтажных домов строить начали только 93, из 78 одноэтажных — только 4, из 2734

Второй дом по Университетской набережной, левее 5-й линии, — дом Трезини.

Современный вид. Фотография.

Был он тогда двухэтажным, с мезонином...
Дом Трезини. Панорама А. Зубова. XVIII в. Деталь.

деревянных — лишь 265. Все яснее становилось, что городское строительство из-за отсутствия мостов через Неву тяготеет к Адмиралтейской стороне. Да и каналы, по берегам которых регламентировалось строить, в большинстве своем прорыты все еще не были. Практически они не были нужны: роль судоходной магистрали прекрасно выполняла сама Нева. Те же каналы, которые все-таки были выкопаны, «дурно пахли». и в 1767 году один из указов повелел «каналы закидать для того, что в них одна грязь бывает и происходит дух вредительный здоровью». О прежних каналах напоминают «линии», когда-то намечавшие их расположение. Теперь это пере-



За домом был расположен большой зеленый двор со службами (на плане участок № 39).

План Майера. Васильевский остров. 1738 г.

секающие остров с севера на юг улицы, идущие параллельно друг другу. Каждая улица именуется двумя линиями, обозначающими ее стороны.

Центральное место в работе Трезини на Васильевском острове занимала его восточная часть со зданием Двенадцати коллегий. Это важное административное здание было предусмотрено генеральным планом Петербурга. 2 января 1723 года Трезини послал Петру этот план в Москву с пометками на нем, кому и где «места отведены по указам под каменное и деревянное строение». Этот вариант плана, к сожалению, не сохранился. Можно лишь предполагать, что он развивал пред-

шествующие планы Васильевского острова 1717—1721 годов, а может быть, уточнял их. На этих планах центр города должен был разместиться в районе стрелки острова, а зданию Двенадцати коллегий надлежало стать организующим центром этого района. Здание было создано. Ныне это главное здание Ленинградского университета. С берега вид его обманчив. На набережную оно выходит торцом — боковой гранью всего лишь в четыре окна, и кажется небольшим. На самом же деле почти на четыреста метров уходит его главный фасад от набережной Невы в глубь Васильевского острова. На первый взгляд кажется странным, что столь важное по своему назначению здание обращено своим главным фасадом не к Большой Неве. Между тем такое расположение диктовалось общим замыслом застройки. Зодчий предполагал создать перед ним главную площадь города, со зданиями для правительственных учреждений, до тех пор находившихся на Троицкой площади.

Главную площадь можно видеть на одном из ранних планов Трезини «с отменами против высочайше утвержденного проекта после 1717 года». Перед зданием Двенадцати коллегий — Гостиный двор у берега Малой Невы, дома знатных вельмож на стрелке, дворец Прасковьи Федоровны и Кунсткамера, обращенные фасадами к берегу Большой Невы. На плане определены и местоположение и общие очертания будущих зданий. Со стороны площади все здания в первом этаже должны были иметь галерею — элемент, художественно объединяющий их в единое целое и придающий площади окончательную завершенность. В Гостином дворе такая галерея нужна была практически (там хранились товары во время непогоды, шла торговля); в галерее Двенадцати коллегий также предполагались лавки. В здании Кунсткамеры галерея могла быть и чисто декоративной.

Указ о строительстве на Васильевском острове каменного здания Двенадцати коллегий соответственно существующему

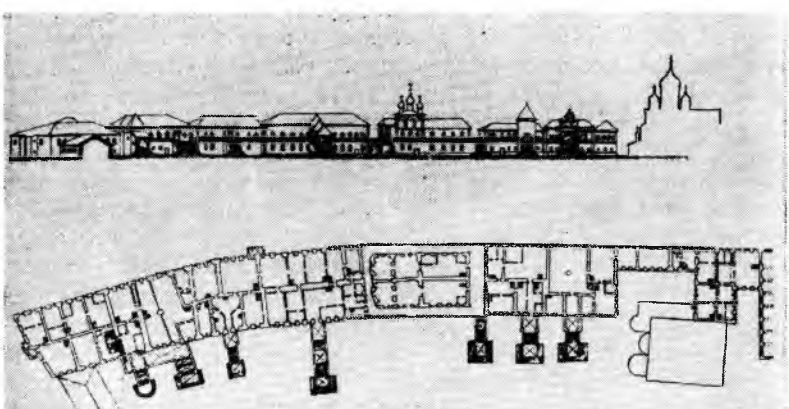
Не раз Трезини, стесненный в средствах, обращался за помощью к кабинет-секретарю А. В. Макарову.

Портрет А. В. Макарова. Неизвестный художник. Масло. XVIII в.

генеральному плану последовал 12 августа 1721 года. Через полгода приступили к закладке фундаментов четвертой и седьмой коллегий. В это время Трезини разрабатывал детальный проект площади перед центральным административным зданием. Строительство шло медленно: дело осложнялось тем, что ведомства, обеспечивавшие закладку фундаментов, подвоз материалов, наем рабочих, не были объединены в своих усилиях. Трезини предложил подчинить все работы Канцелярии от строений. «...По моему рассуждению,— писал архитектор,— лучше зачинать строить коллегии три или четыре или сколько Е. Величество изволит строить вдруг, рядом, а не через места, понеже меньше материалу и кошту станет». Петр согласился с практичным предложением архитектора.

К участию в проектировании здания Двенадцати коллегий были привлечены архитекторы Трезини, Гербель, Швертфегер, Микетти, Ван-Звитен и скульптор Б.-К. Растрелли. Каждый из них должен был разработать свой проект при одном лишь требовании Петра: «Все равные арнаменты как лучше убрать мочно, а каморов прибавить или убавить по величине всегда мочно... только бы снаружи все были равною долготою». Срок для работы был короткий, и в январе 1724 года проекты были представлены для обозрения в Зимний дворец Петра I. Это был первый в России архитектурный конкурс. Победил в нем Доменико Трезини. Он развил и облек в архитектурную форму основную идею Петра о характере нового административного здания.

Здание Двенадцати коллегий явилось результатом достаточно длительного поиска наиболее рациональной организации и художественного образа административно-общественного здания в России вообще. Московские приказы в Кремле были первыми звеньями в этой цепи: они представляли собой избы, приставленные одна к другой. В Петербурге на Троицкой площади около 1716 года по проекту Трезини было построено мазанковое здание Шести коллегий длиной около ста



Московские приказы были первой находкой на пути поисков образа административно-общественного здания...

Приказы в Московском Кремле. XVII в. Реконструкция.

сорока метров по фасаду. Оно представляло собой здание, разделенное на шесть, потом на девять частей, каждая из которых имела отдельную крышу и отдельный вход. Здание воспринималось как ряд домиков, приставленных один к другому. Оно просуществовало шестнадцать лет и было снесено «за ветхостью». Следующим на пути поиска было здание коллегий, построенное в Кронштадте. И, наконец, Двенадцать коллегий на Васильевском острове...

Трезини, определяя облик будущего здания, писал: «Сделаны все купно 12 коллегий на одном чертеже и единым манером». Здание членится на двенадцать частей-домов, словно

вплотную приставленных один к другому. Каждая такая часть имела первоначально самостоятельную крышу и самостоятельный вход, позже три средние части были объединены общей крышей.

Достаточно внимательно рассмотреть одну часть здания, чтобы представить себе все остальные. Узкие белые выступы — лопатки, расположенные между окнами по вертикали, объединяют три этажа здания. Лопатка создается особой кладкой кирпича, чуть выступающего за пределы общей глади стены и утолщающего ее в этом месте. Таким образом, лопатка — это одновременно и элемент декоративного оформления здания и часть его конструкции, обеспечивающая повышенную прочность. Центральная часть здания каждой коллегии чуть выступает вперед, образуя ризалит в три окна; в центре его — во втором этаже — балкон с решеткой тонкого рисунка. Ризалит увенчан фигурным фронтоном. Крыша не обычная двускатная, а четырехскатная: она зрительно увеличивает высоту здания, делает его монументальнее, торжественнее. Называют ее теремной, или шатровой, и действительно, она покрывает верх здания как своеобразный шатер. Достаточно вспомнить Монплезир в Петродворце или другие дворцы и жилые дома того времени, чтобы убедиться в ее типичности для архитектуры первой четверти XVIII века.

Мы давно уже привыкли к тому, что крыша — лишь конструктивно-функциональная часть многоэтажного здания. Но в невысоких постройках XVIII века она была и украшением, делающим их более эффектными, и увеличивала их высоту.

В первом этаже здания Двенадцати коллегий вдоль всего сооружения со стороны площади шла открытая галерея, где должны были расположиться лавки. С западной стороны была другая такая же. Над ней по второму этажу шла еще одна галерея «для коммуникации от коллегии к коллегии».

В здании Двенадцати коллегий можно увидеть черты и художественные приемы, характерные вообще для русской

Достаточно рассмотреть одну часть здания...

Здание Двенадцати коллегий. Фрагмент. Фотография.

архитектуры первой трети XVIII века: высокая крыша, двухцветная окраска здания (красно-коричневая с белым), сравнительно небольшая высота его (не более трех этажей) и преимущественно плоскостное решение стены. Архитектуру этого времени отличала безупречная слитность назначения здания, его конструкции и художественного облика. Все разумно, практично и сообразно художественным идеалам времени.

Строительство Двенадцати коллегий продолжалось до 1742 года, когда были закончены работы внутри здания. Однако уже и в 1732 году, когда были завершены наружные работы, Трезини мог увидеть свой замысел в значительной степени осуществленным. Здание сохранилось без особых изменений. Правда, в XIX веке, когда его приспосабливали под университет, была уничтожена галерея первого этажа вдоль нынешней Менделеевской линии, а со стороны двора заложена галерея второго этажа, внутри которой с тех пор прошел длинный университетский коридор. В интерьере он подчеркнул необычайную протяженность сооружения.

Здание Двенадцати коллегий — один из значительных памятников русской архитектуры первой трети XVIII века. Это, безусловно, большая творческая удача Доменико Трезини.

Почти одновременно с этим грандиозным зданием на Васильевском острове после пожара, уничтожившего мелкие постройки, было начато строительство Гостиного двора. По тем временам он был огромным: по периметру он насчитывал семьсот пятьдесят метров. Здание было двухэтажным, с высокой кровлей и большим внутренним двором. Повторяющиеся элементы — арки — упрощали и удешевляли его строительство. Перед зданием Гостиного двора на берегу Малой Невы располагалась небольшая торговая пристань.

На берегу Большой Невы симметрично Гостиному двору возводилось здание Кунсткамеры. На генеральном плане пло-

Зданию Двенадцати коллегий надлежало стать организующим центром стрелки острова.

Гравюра М. Махаева. 1753 г.

щади Трезини не только указал место, где следовало заложить новое здание, но очертил его силуэт и определил общее объемное решение. Именно Трезини предложил ярусность этой постройки и башню как необходимую доминанту набережной.

Детальный проект, исходя из имеющегося замысла, составил архитектор И. Маттарнови; его сменили Гербель, а затем Г. Киавери. Но строительство шло с большими трудностями: проект оказался слабым в техническом отношении. Наконец к делу был привлечен М. Земцов, который в 1734 году благополучно закончил все работы.

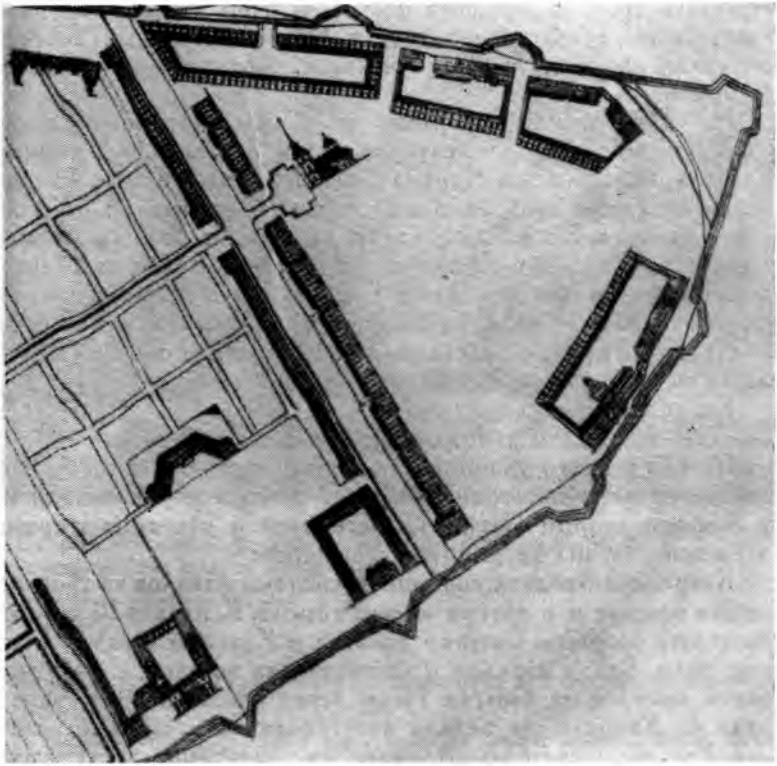
Здание Кунсткамеры состоит, как и здание Двенадцати коллегий, из нескольких объемов — центрального с трехъярусной башней и двух боковых — по числу размещавшихся в нем учреждений. Здание строго симметрично. Чуть выступают вперед боковые ризалиты, углы которых подчеркнуты рустованными лопатками. Вертикальные уступы в стене, в отличие от выступов в здании Двенадцати коллегий, окрашены белым: они расположены между окнами и объединяют все три этажа. Высокая, с четырьмя скатами, и в то время красно-коричневая, кровля перекрывала два боковых крыла здания. Здесь легко можно усмотреть те же черты и особенности, которые были характерны и для предыдущих построек. Восьмигранная башня Кунсткамеры — своеобразная архитектурная доминанта южного берега Васильевского острова — перекликается с башней Адмиралтейства и колокольней Петропавловского собора.

Новая площадь была первым примером создания в России площади чисто гражданского характера, где церковь, как правило, определявшая облик площади в древнерусских городах, вошла лишь подчиненной частью в одно из зданий. Площадь получила название Сенатской, ибо в новом административном здании, центральном на площади, был размещен Сенат.

Если сегодня мысленно убрать здание Института акушерства и гинекологии, возведенное в начале XX века без учета архитектурно-исторического значения общей застройки, откроется первая Сенатская площадь Петербурга, образ и характер которой, найденный архитектором Трезини, не мог не повлиять на формирование архитектурного облика города в дальнейшем.

Канцелярия городовых дел с 1723 года стала называться Канцелярией от строений. Директором ее после низложения Черкасского вновь стал Сенявин.

В штат Канцелярии входило пятьдесят четыре человека: директор, служащие Канцелярии, комиссары — смотрители за



Главную площадь — Сенатскую — можно видеть на одном из ранних планов Трезини.

Трезини. План Петербурга. После 1717 г. Фрагмент.

строительством, переводчик и сторож. При конторе состояли архитекторы, гезели и мастеровые. Штат конторы в 1727 году составлял около двух тысяч человек. Архитекторов в штате было семь.

На Выборгской стороне у Сампсониевской церкви с 1709 года помещался строительный батальон, приданный Канцелярии. Велись в Канцелярии «поденные» книги. Витиеватым почерком день за днем секретарь записывал: «Господин подполковник в Канцелярии не был, за болезнью» или «Директор пришел в Канцелярию в восьмом часу, из Канцелярии вышел в поздне». Имя Трезини здесь встречается редко, ибо в Канцелярии он почти не бывал, его место было на стройках. Трезини выполнял работу главного архитектора, ведал он также технической частью строительства.

Канцелярия от строений занималась и благоустройством города — мощением улиц, освещением.

Проект первого уличного фонаря был выполнен в 1718 году. По проекту изготовили четыре фонаря и установили их у Зимнего дворца Петра I. Петербург в эти годы первым в России получил регулярное освещение.

Канцелярия ведала созданием системы каналов на Васильевском острове и в других частях города. К началу 20-х годов были уже прорыты Зимняя канавка и Красный канал у Марсова поля. Вдоль каналов производились посадки, в основном ольхи, которая на берегах Невы легко приживалась и укрепляла их. Канцелярия ведала изготовлением кирпича на заводах. Его выпускали по образцам «за печатями» архитектора Трезини. Аттестацией будущих архитекторов, живописцев, мастеровых тоже ведала Канцелярия.

Помещалась Канцелярия все там же, на Московской стороне. Путь к ней с Васильевского острова был неудобен, да и далек: летом переправа на лодках, зимой санным путем через Неву. Трезини постоянно приходилось переезжать с одной стройки на другую. И хотя у него были лошади, он сильно

...Справа — Гостиный двор, сооруженный после пожара, уничтожившего мелкие постройки.

Акварель О. Эллигера. XVIII в.

уставал. С годами работа усложнялась, приобретала все больший размах.

Бесконечно длинным был его рабочий день. Утром архитектора можно было видеть проезжающим в кибитке по Васильевскому острову, после полуденного выстрела он был уже на Выборгской стороне и лишь поздним вечером добирался до дома.

По чертежам Трезини строилась на Васильевском острове Галерная гавань. На Выборгской стороне, там, где берет начало большая Невка, исподволь вырастал госпиталь с церковью. Возникшее позже здание Военно-медицинской академии

отдаленно напоминает его. Велись работы в Кронштадте. Да разве можно перечислить все, что строил Трезини! И это не говоря о главном — работах в крепости и на Васильевском острове.

Трезини с сожалением писал, что ему «везде у строения быть невозможно», добавляя: «Ученики которые я обучал и можно было им помогать в строениях, от меня взяты, и посланы на другие строения... и из старых осталось малое число и определены ко мне из новых учеников, которые практике еще не очень заобучены».

Часто вызывали зодчего в Канцелярию для определения знаний и способностей будущих мастеров. Так, в декабре 1724 года там «был учинен» экзамен вернувшимся из Италии Тимофею Усову и Петру Еропкину. Экзаменовали их дважды. Сначала — сам Петр I. Затем их «освидетельствовали» архитекторы. Экзаменаторами были назначены Доменико Трезини, Михаил Земцов и Бартоломео Карло Растрелли. П. Еропкину и Т. Усову присвоили звание гезелей, ибо, как решила комиссия, они тогда были еще «не так искусны в практике». Так состоялось первое знакомство двух мастеров старшего поколения — Доменико Трезини и Михаила Земцова с будущим крупным петербургским архитектором-градостроителем Еропкиным. Петр Михайлович Еропкин — замечательный архитектор и патриот, автор плана Петербурга 1737 года, возглавлявший впоследствии Комиссию о Санктпетербургском строении, автор трехлучевой композиции улиц, идущих к Адмиралтейству,— стал прямым продолжателем всех строительных начинаний первой четверти XVIII века.

Новый, 1725 год начался, казалось бы, обычно — молебном в Троицкой церкви, многоцветным фейерверком, пальбой из пушек Петропавловской крепости и обильным царским обедом. Но еще осенью занемог Петр I. По-прежнему принимал он участие в ассамблеях, бывал на крестинах, на парадах невского «флота» — многочисленных галер и лодок, принадле-

...Еропкин стал прямым продолжателем строительных начинаний первой четверти XVIII века.

Портрет П. М. Еропкина. Гравюра.

жавших жителям города. Современники рассказывают, что в последнее время он был мрачен, часто его мучила мысль о том, что еще не все им задуманное создано, не все «сотоварищи» оказались преданными делу. Наконец болезнь захватила его: пролежав девять дней в постели, Петр скончался 27 января 1725 года. Умер он в Зимнем дворце, стоявшем на набережной Невы у Зимней канавки, в здании, где лишь недавно отзвучали споры о застройке Васильевского острова.

Трезини было поручено спроектировать временную деревянную часовню, которую предполагалось поставить внутри недостроенного Петропавловского собора, и поместить там гроб с телом царя. В течение сорока дней, пока шла подготовка к похоронам, весь город был в трауре. 10 марта гроб перенесли в крепость через закованную в лед Неву. Среди провожающих был и Трезини. Тысяча двести пятьдесят гренадеров с факелами в руках стояли по сторонам процессии. В морозном воздухе разносился звон колоколов, периодически заглушаемый пальбой из крепости. Гордостью за содеянное в течение более чем четверти века прозвучали слова русского просветителя Феофана Прокоповича, сказанные над телом Петра: «Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал врагам страшною — страшна и будет; сделал на весь мир славною — славная и быть не перестанет».

Вскоре в Петербурге была выбита памятная медаль с портретом Петра I, которой награждались многие «птенцы гнезда Петрова». А через полгода императрице Екатерине I «бьет челом архитектор Трезин», обойденный наградой. Он просит и его наградить памятной медалью за то, что «служил со всяким усердием безпорочно».

1 января 1726 года Трезини за свою двадцатитрехлетнюю службу был удостоен звания «полковника от фортификации». Но теперь не раз приходилось архитектору напоминать о себе, составляя полный реестр проведенных работ. Он был вынужден это делать. Ему приходится выпрашивать прибавку к жа-

Умер Петр I во дворце, стоявшем на набережной Невы...

Зимний дворец. Гравюра с рисунка М. Махаева. XVIII в. Фрагмент.

лованью, хотя работы его были выполнены «к прочности российского государства»: «Приемлю дерзновение просить милостивейшего награждения прибавочным жалованьем, против других моей братьи, дабы я мог со своею фамилею в домашнем прибавлении, пищею и в одеждах и в конском фураже исправится... и на содержание сына моего, который послан во Италию для обучения науке». Не всегда могла императрица оказать желаемую милость: фактическим правителем государства стал А. Д. Меншиков. Да и пережила Екатерина I своего державного супруга не намного. Летом 1727 года императором России был объявлен четырнадцатилетний сын царевича Алексея Петр II.

Вскоре столицей снова становится Москва: туда переезжают важнейшие учреждения, многие вельможи, купцы, торговцы, которых в Петербурге теперь никто не удерживает. По городу ползут слухи — «Петербургу быть пусту», толкуют,

что где-то в кабаке на Васильевском острове собираются «лихие люди», частыми становятся грабежи и убийства на опустевших улицах города.

Но недолгим было и это царствование. В 1730 году российский престол заняла племянница Петра I Анна Иоанновна, на которую сторонники петровских реформ возлагали свои надежды. В 1732 году Петербург снова становится столицей. Однако курляндской принцессе были чужды прогрессивные идеи недавних времен. Ее окружили курляндские немцы с Э. Бироном во главе. К ним присоединились Х. Миних и А. И. Остерман, готовые служить «кому угодно и как угодно». Они были введены в Кабинет министров вместе с дряхлеющим Г. И. Головкиным и трусливым, бездеятельным А. М. Черкасским. По словам современника, это было время, которое всякого могло повергнуть не только «в неописанный страх и ужас, но и в самое отчаяние».

Губернатором города и комендантом его военного гарнизона стал Х. Миних. Его дом расположен был неподалеку от дома Трезини. Миних поменялся домами с Остерманом и поселился на той же набережной Васильевского острова, только ниже по течению Большой Невы, в доме на углу 12-й линии. Впоследствии в этом здании (несколько перестроенном) был расположен Морской кадетский корпус, а сейчас Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. В доме Миниха, ставшем своеобразным центром официальной жизни, устраивались городские балы, обеды, приемы. Пышным празднеством был отмечен здесь приезд Анны Иоанновны. Но это был не праздник петровских времен. Общего ликования и веселия в городе не было слышно. Казалось, только туда, где неподалеку жил Трезини, доносилась музыка, да блики света из окон губернаторского дома, заметные издали, падали на белоснежный покров Невы.

Грустными были для Трезини такие вечера. Но с утра его вновь ждала любимая работа. В эти годы Трезини проек-

Губернатором города и комендантом его военного гарнизона стал Миних...

Портрет Х. Миниха. Неизвестный художник. XVIII в. Масло.

тировал для Петра II дворец на Васильевском острове на берегу Невы и даже «вывел» фундамент. Успел ли Трезини возвести здание дворца Петра II или его работу позднее продолжил другой архитектор — мы не знаем. Известно лишь, что дворец перестраивался во второй половине XVIII века. Ныне это здание филологического факультета университета.

Летом того же года на Васильевском острове пожар уничтожил пеньковые склады. Новые возвел Трезини. На взморье построил он Галерную гавань для небольших судов. Даже место для строительства городского острога «испрашивали» у архитектора. Весной 1732 года была создана комиссия для «освидетельствования» башни Адмиралтейства, возводимой по проекту Ивана Коробова: в ее состав вошел Д. Трезини. Вместе с М. Земцовым он был приглашен для «выявления» способностей и должной подготовки художника Ивана Матвеева, принимавшего участие в росписи интерьера Петропавловского собора.

В крепости работа шла полным ходом. Она о многом напоминала стареющему мастеру, и прежде всего о молодости, о первых годах жизни в Петербурге. С ним вместе еще трудились люди, которых он знал уже более двух десятков лет. Здесь были каменщики и каменных дел подмастерья, столяры и кузнецы, плотники и живописцы: Иван Иванов, Михайло Гаврилов, Никифор Иванов, Василий Ильин, Иван Антонов, Дмитрий Осипов и многие, многие другие. За годы работы, как указано в строительных ведомостях, они стали «стары и дряхлы», у одного «двух пальцев на левой руке нет», другой «немощен», третий страдает «удушьем» и т. д. Годы и тяжелый труд сделали свое дело. На смену старым работникам шли их сыновья. Многие из них начинали свою самостоятельную жизнь рядом с Трезини. «Михайла Иванова сын в учении у полковника Трезина», — читаем мы в старинных документах, другой «учится арифметике у полковника Трезина».

В состав комиссии для „освидетельствования“ башни Адмиралтейства вошел Трезини...

И. К. Коробов. Проект башни Адмиралтейства. XVIII в.

Так рука об руку с Трезини работали все эти годы талантливые русские люди. Влияние их было обоюдно: Трезини учил писаным правилам зодчества и математики, они — искони русским строительным обычаям, помогая зодчему постигать общий характер и настрой русской архитектуры. Все это помогло Трезини стать самобытным русским архитектором.

Крепость еще строится, и зодчий постоянно просит увеличить число «вольных каменщиков» для «поспешания» в работе. Но работать становилось все труднее. Еще Петр II издал указ, по которому строительство Петропавловской крепости должно было производиться под «непосредственным наблюдением Х. Миниха». Всячески старался завистливый Миних (по образованию также инженер-фортификатор) поколебать авторитет Трезини, найти ошибки в строительстве, скомпрометировать архитектора. К счастью, работой все-таки ведала Канцелярия, к ней обращался Трезини за советом, ей продолжал подчиняться. Поколебать многолетний авторитет зодчего было нелегко. Тогда Миних выступил против Канцелярии в целом. Доложив Анне Иоанновне о положении в строительстве Петербурга, он предложил императрице поменять состав Канцелярии: «А понеже — генерал-майстеру Сенявину и прежним его товарищам приозначенной Канцелярии быть не велено, на месте же его и товарищей поныне никто еще не определен, того ради В. И.В. не соизволит ли повелеть: быть в оной гоф-интенданту Кормедону да инженер-капитану Пудошкину, которые, по моему нижайшему мнению, признаваю быть к тому же за способных».

Если принять во внимание, что француз Кормедон был парикмахером, нетрудно понять, что Миних рассчитывал подчинить себе новую администрацию Канцелярии и взять в свои руки дальнейшее строительство города. Для Трезини это было равносильно отставке.

Правой рукой императрицы был временщик Э. Бирон. Рядом с ним у руля государства занимали места бесприн-

ципные карьеристы Левенвольде, Остерман и Миних. Укрепляя свое положение при дворе, они повели прямую борьбу с теми, кто был участником петровских преобразований. В архитектуре этот период начался отставкой Доменико Трезини, а завершился казнью его преемника, замечательного архитектора Петра Еропкина. Однако прервать стройку, близкую к завершению, и прежде всего Петропавловского собора и Двенадцати коллегий, было невозможно. Трезини потерял свой пост в Канцелярии, однако это не смогло поколебать его положения крупного архитектора и воспитателя будущих мастеров и строителей.

На исходе был тридцатый год жизни Трезини в России. Тяжелый удар был нанесен ему. Но перед глазами его стоял реальный город, в создание которого он вложил все свои силы, мастерство и душу. Ему выпало счастье убедиться и в том, что у него есть прямые наследники из числа архитектурной «братии», люди, способные морально поддержать стареющего мастера, а если нужно, и заменить его. Первым среди них был Михаил Земцов. Двадцать с лишним лет Трезини работал с ним рука об руку, неоднократно ратуя за повышение жалованья своему ученику, ибо он «вотчин и поместий не имеет». Следующим был Петр Еропкин; Трезини достойно оценил его. Наконец, Иван Коробов. Трезини следил за первыми творческими шагами этого архитектора в столице. Рядом с Трезини работали его сын Петр Трезини и зять Джузеппе, закончивший многие постройки своего тестя. Все чаще начинает звучать в среде архитекторов имя молодого Варфоломея Растрелли, сына скульптора.

Два поколения строителей Петербурга присутствовали на открытии «первейшего» сооружения Трезини — Петропавловского собора: его торжественное освящение состоялось 29 июня 1733 года. Строился собор «исподволь» с 1712 года. К 1723 году была закончена строительством колокольня и обшит медными позолоченными листами ее шпиль. Наконец,

спустя двадцать один год с начала работ, они были завершены.

Трудно переоценить роль Петропавловского собора в архитектурном облике города, значение его в общем ходе развития русского искусства. Это уникальный памятник русской архитектуры первой трети XVIII века. За прошедшие почти два с половиной столетия храм в основном сохранил свой первоначальный облик.

Соборы и церкви на Руси с ранних времен служили не только местом богослужения; они выполняли общественно-административную роль, были хранилищами казны, местом мирских сходок, приема иноземных послов. Но привычные на Руси крестово-купольные церкви, перекрытие которых покоится на четырех «столпах», а купола расположены крестообразно, были не вместительны.

Внутренние помещения их были стеснены массивными опорными столбами. Поэтому русские зодчие много веков искали технические и архитектурные возможности создания все больших и больших помещений. Новшеством в свое время оказался построенный «палатным» образом Успенский собор в Московском Кремле, хотя трапезные палаты, особенно XVII века, уже к этому времени дали пример больших помещений без опорных столбов. Наконец был создан и Петропавловский собор, который занял свое место в общей линии этих поисков.

Петропавловский собор в плане имеет прямоугольник, разделенный опорными столбами-пилонами на три своеобразных продольных коридора — нефа. Это плановое решение несколько напоминает романские и готические соборы, но Трезини преодолел традиционное решение средневековых церквей, с его разновеликими нефами и контрфорсами (наружными опорами стен), и создал новый тип собора, получивший название «зальный». Петропавловский собор явился закономерным звеном в эволюции русских церквей и соборов.

Трудно переоценить роль колокольни собора в архитектурном облике города...

Петропавловский собор. Колокольня. Фотография

Огромное, высокое и свободное помещение Петропавловского собора (здание вытянуто с запада на восток: его длина 61 метр, ширина 27,5 метра, высота до карниза около 15 метров), с двумя рядами пилонов, на которые ложится тяжесть перекрытия, действительно напоминает дворцовый зал. Общие светские тенденции архитектуры XVIII столетия самым непосредственным образом сказались в решении облика Петропавловского собора. В свою очередь он явился предтечей ряда соборов середины XVIII и начала XIX столетия, где интерьеры еще более напоминают дворцовые залы, как, например, собор Смольного монастыря или церковь Екатерининского дворца в городе Пушкине.

Но в начале XVIII века светский характер интерьера Петропавловского собора должен был поражать современников: большие высокие окна делали помещения светлыми, иконы, без которых не мыслилась церковь на Руси, сменились картинами, далекими от процветавшего веками искусства иконописи.

Их религиозные сюжеты порой были трактованы в духе реалистической жанровой живописи. И в этом явственно ощущалась светская струя, пронизывавшая все виды и сферы искусства того времени. Между окнами и сейчас спускаются старинные трофейные знамена, придающие торжественность и триумфальность интерьеру. На память снова приходят дворцовые залы, которые также нередко украшали знаменами. Наконец, великолепный иконостас резного дерева, поражающий необычностью формы и блеском мастерства его создателей.

Иконостас в русских церквах развился из «алтарной преграды», отделяющей помещение церкви от алтаря. Постепенно увеличиваясь в высоту, эта своеобразная стена-перегородка стала местом, на котором помещали иконы. И если ранние иконостасы представляли собой расположенные ярусами подставки для икон — тябла, то с конца XVII века перемычки

Соборы и церкви на Руси служили и местом мирских сходок, приема иноземных послов, хранилищами казны...

Софийский собор в Новгороде. XI в. Фотография.

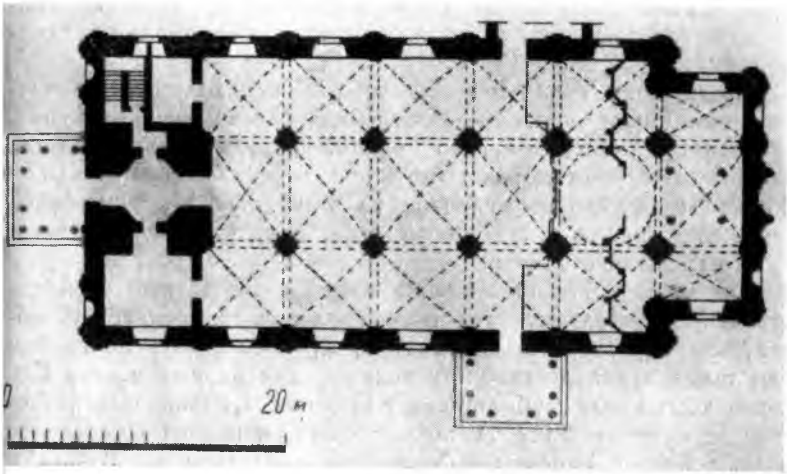
между иконами превратились в декоративные, украшенные листвой и гирляндами цветов витые колонки, искусно вырезанные из дерева.

Иконостас Петропавловского собора — одно из замечательных произведений русского искусства. Московский архитектор И. П. Зарудный получил заказ на его исполнение 7 декабря 1722 года, через год после победоносного завершения Северной войны. Он создал оригинальное произведение. Иконостас выполнен в виде триумфальных ворот.

Работа была тем труднее, что Зарудный создавал иконостас, живя в Москве и руководствуясь лишь необходимыми размерами, присланными ему Трезини. По рисункам Зарудного работали сорок шесть мастеров. Виртуозно вырезали они из липы витые колонки, листья, гирлянды цветов, драпировку и словно сплетенные из шелка тяжело свисающие кисти.

Опытный и талантливый архитектор не случайно выполнил иконостас в Петропавловском соборе в форме триумфальных ворот. Он тонко согласовал его с обликом гражданского памятника — триумфальных Петропавловских ворот крепости, и тем самым с очертаниями восточной стены собора, также вторящими облику ворот. Благодаря этому приему Петропавловский собор получил еще более яркое гражданственное звучание. Декоративная восточная стена собора скрывает высокую крышу здания: первоначально она была традиционной для построек первой трети XVIII века — шатровой, с четырьмя скатами, двумя крутыми и двумя более пологими. И если мысленно «отбросить» купол и колокольню собора, перед нами предстанет постройка гражданского характера.

Стены собора расчленены высокими оконными проемами, между которыми чуть выступают за пределы стены лопатки: они подчеркивают ярусы колокольни и ребристый барабан купола. Небольшая позолоченная главка венчает купол; покоясь на удлиненном барабане, он словно вырастает из-за



Собор имеет в плане прямоугольник, разделенный опорными столбами — пилонами на три своеобразных коридора — нефа.

План Петропавловского собора.

декоративной восточной стены собора. С запада он скрыт великолепной ярусной колокольней. Роль его в облике здания второстепенна.

Высота колокольни 122,5 метра. Волюты как бы служат продолжением западной стены, повторяя очертания декоративной восточной стены. Они создают плавный переход от объема собора к первому ярусу колокольни; очертания двух следующих объемов колокольни, поставленных один на другой, плавно переходят через небольшой купол и прорезанный окнами барабан в легкий, стремительный шпиль. Первоначальная высота колокольни была 106 метров; в XIX веке деревянная конструкция шпиля была заменена металлической. Шпиль

был удлинен при этом на 16 метров, что подчеркнуло стройность колокольни, не нарушая общих пропорциональных соотношений.

По замыслу Трезини стены собора были голубыми, лопатки и наличники окон — белыми, синими были крыша и купол, увенчанный маленькой, но яркой, позолоченной главкой. Сине-бело-голубая гамма тонов, позолота главок и шпиля — все это выделяло сооружение на фоне общей красно-белой застройки города и северного неба, зачастую сплошь затянутого густыми облаками.

Где черпал Трезини вдохновение при создании этой необычной колокольни? Что подсказало ее архитектурный образ? Западноевропейская готика, прибалтийские постройки или такие древнерусские сокровища, как церкви в селе Коломенском, в селе Дубровицах у Подольска, колокольня Новодевичьего монастыря? А может быть, наиболее близкая ее облику башня Гавриила Архангела — Меншикова башня в Москве? Строилась эта башня в самом начале XVIII века и, судя по гравюрам, также заканчивалась «шпицером», сгоревшим в 1713 году. Молодой Иван Зарудный был ее создателем.

Несомненно, что знакомство с образцами русского зодчества подсказывало Трезини ритм и пропорции его сооружений, учило вписывать их в своеобразный русский пейзаж. Древние памятники словно отдали его собору свою жизнерадостность и праздничность.

Петропавловский собор послужил прообразом для ряда более поздних сооружений в Петербурге. Построенные М. Земцовым церкви Симеона и Анны (ее можно и теперь увидеть в Ленинграде, на Моховой улице), а также Рождества богородицы (стояла на месте Казанского собора) по своему облику и характеру колокольни, завершенной шпилем, явно сродни Петропавловскому собору. В. И. Баженов, создавая проект Михайловского замка, предусмотрел позолоченный

Внутри собор напоминает дворцовый зал...

Интерьер Петропавловского собора. Фотография.

шпиль над небольшим куполом дворцовой церкви. Наконец, А. Д. Захаров, перестраивая здание Адмиралтейства, создал башню со шпилем, организующую центр города, и граждански осмыслил ее. Легкий кораблик, увенчивающий шпиль, воспринимается как символ утверждения России на море.

К шпилю — этому найденному Трезини и органически необходимому элементу в силуэте города — обращались время от времени русские зодчие всех последующих поколений.

Через полгода после открытия собора, 13 февраля 1734 года, в пятом часу утра, Доменико Трезини не стало. Спустя пять дней траурная процессия направилась на Выборгскую сторону, к Сампсониевской церкви. Полковника фортификации провожали и гражданские лица из «архитектурной братии», и солдаты строительного батальона.

Возле церкви Сампсония было расположено первое в городе кладбище. Здесь хоронили не только «православных»: под сенью «Страннопримца» (так именовался святой Сампсоний) покоились многие иноземцы, попадавшие во вновь строящийся город из разных уголков земли.

На месте деревянной церкви, заложенной в 1709 году, уже шесть лет строили каменный собор с двумя приделами. В 1733 году он был освящен. «При той Сампсониевской церкви христианского народа в погребении многое число и знатных и всяких персон», — писал священник этой церкви В. Терлецкий. Старинное кладбище занимало большую территорию, ограниченную Большим Сампсониевским проспектом (ныне проспект Карла Маркса) и Нюстадтской улицей (ныне Лесной проспект), Ломанским и Баталионным переулками. К концу XVIII века кладбище оказалось в черте разросшегося города и было закрыто. К нашему времени осталась незастроенной лишь небольшая часть бывшего кладбища у самого собора, а в сторону Лесного проспекта раскинулся большой парк.

Очертания восточной стены собора вторят облику Петровских ворот...

Алтарная стена Петропавловского собора. Фотография.

Что подсказало образ колокольни Петропавловского собора, — церковь Вознесения в селе Коломенском?

Церковь Вознесения в Коломенском. XVI в. Фотография.

Или колокольня Новодевичьего монастыря?

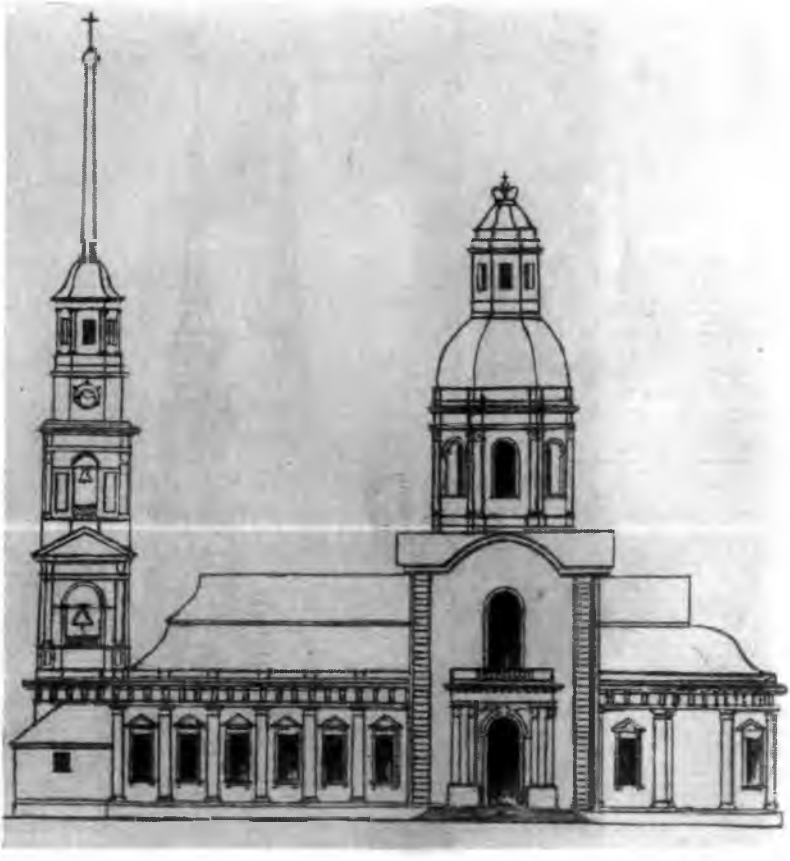
Колокольня Новодевичьего монастыря. XVII в. Фотография.

Меншикова башня первоначально заканчивалась „шпицером"...

Гравюра И. Бликлавта. 1707 — 1708 гг. Фрагмент.

...Строилась она в самом начале XVIII в. Молодой Иван Зарудный был ее создателем.

Реконструкция Меншиковой башни.



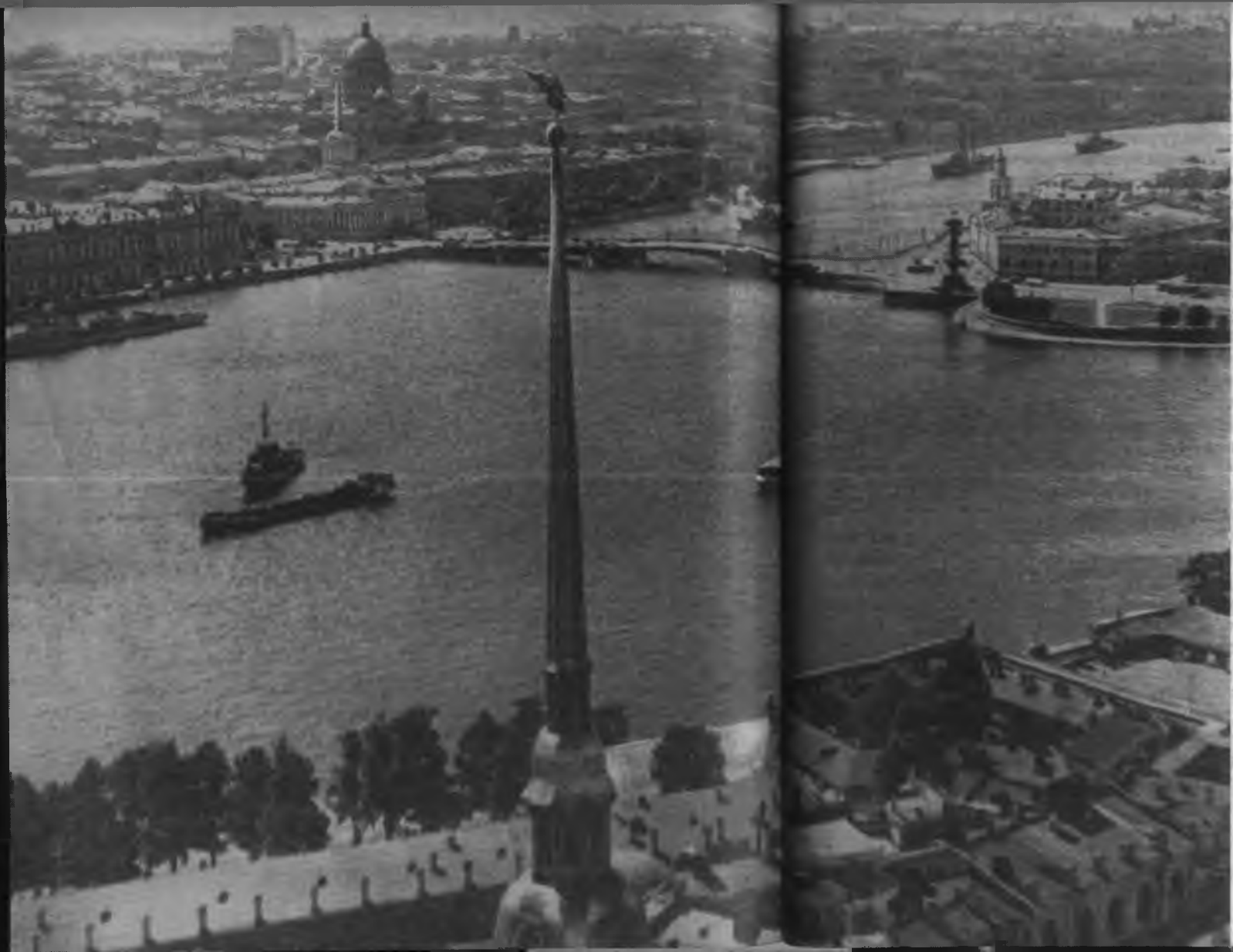
Земцовская церковь Симеона и Анны явно сродни Петропавловскому собору...

Чертеж из альбома Шелковникова. 1827 г.

„У Сампсона“ нашел вечный покой Доменико Трезини.
Сампсониевский собор. Фотография. 1909 г.

Но мы знаем, что здесь, на Выборгской стороне, «у Сампсона», сохранившегося до нашего времени, хоть и в несколько измененном виде, нашел вечный покой Доменико Трезини, первый архитектор нашего города.

От здания Сампсониевского собора мысленно пройдемте к Неве. Одетая в гранит, она величаво несет свои воды в море. К ней тяготеют улицы и раскрываются площади, вдоль



нее ровной лентой бегут современные широкие набережные. Вспомним здесь, что «Андрей Трезин» и его сподвижники были первыми зодчими, глубоко понявшими значение и роль Невы в жизни и архитектурном облике нарождавшегося города, создание которого вошло в историю как еще не виданный трудовой подвиг русского народа.

Отражаясь в невской воде, празднично сверкает шпиль Петропавловского собора. Влагой и свежестью напоены тенистые аллеи Летнего сада. Там, «в углу между Фонтанкой и Невою», сквозь легкий рисунок ограды, виден Летний дворец — одно из первых творений архитектора на русской земле. Сколько экскурсантов устремляется к нему!

Здание Двенадцати коллегий с юга на север смело пересекает Васильевский остров. Словно невская волна вздымается гребень его кровли, и вновь сбегает вниз, чтобы повторить этот взлет еще и еще раз...

А дома на набережных Большой Невы? Присмотритесь к ним. Стоят они вплотную, один возле другого — «единою фасадою». Так ставил здесь Трезини свои первые строения, создавая прямые стремительные набережные, словно поспешающие вслед движению вод Невы.

Правда, дома эти «подросли» — они надстроены; некоторые из них изменили свои фасады. Но стоят они «в линию», четко отражаясь в зеркале реки... Изредка среди них покажется и дом-ветеран, сохранивший свой прежний облик, свидетель далекой истории.

Прошли два столетия. Прошли еще годы... Одно поколение зодчих сменялось другим. Менялись архитектурные стили, вкусы, требования, менялась сама жизнь.

...Но до сих пор перекликаются с Петропавловской колокольней шпили Адмиралтейства и Инженерного замка. Они взлетают над городом и Невой, неожиданно объединяя в художественное целое все, что построено здесь более чем за двести лет.

В ясные солнечные дни с колокольни Петропавловского собора отчетливо виден силуэт Кронштадта — Краснознаменной крепости на Балтике. Там до сих пор сохраняются массивные стены крепости Кроншлот, в создании которой проявился талант Трезини-фортификатора.

На площади Революции, бывшей Троицкой, по соседству с маленьким домиком Петра I, в многоколонном здании работают ленинградские архитекторы, которые стремятся следовать лучшим градостроительным традициям русского зодчества.

Здесь же, немного ближе к Неве, когда-то находилась первая Канцелярия городовых дел...

А на Васильевском острове проложенный некогда Трезини Большой проспект влечет вас к морю. Там, вблизи Галерной гавани, задуманной Трезини, раскинулся новый пассажирский порт, морские ворота Ленинграда, где город теперь встречает гостей — посланцев всех континентов мира.

ЛИТЕРАТУРА

Архив Майера. Планы Петербурга. Музей истории Ленинграда.

«Александро-Невская лавра». Спб., изд. Александро-Невской лавры, 1903.

Аплаксин Н. Сампсониевский собор. Спб., 1909.

Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв. Изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1961.

Бенуа А. Н. Рассадник искусства. «Старые годы», 1909, апрель.

Блянова И. М. Доменико Трезини. Жизнь и творчество. Рукопись. Архив Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Спб., 1703—1751 годы, дополненное В. Рубаном. Спб., 1779.

Богословский М. М. Быт и время русского дворянина в первой половине XVIII века. П., 1918.

Бунин М. С. Стрелка Васильевского острова. Изд-во АН СССР, 1957.

Георги И. Г. Описание Российского города. Спб., 1794.

Глаголев А. О дворцах, современных Петру Великому. Спб., журн. Министерства внутренних дел, 1841, № 10.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел, ф. 575, д. № 152, 176, 209, 213, 214, 220, 227, 341, 342, 346.

Грабарь И. Э. История русского искусства, т. 3. Спб., 1909.

Грозмани М. В. Строительство и первоначальный облик 12 коллегий. Вестник ЛГУ, 1953, № 6.

Дневник камер-юнкера Бергхольца (1721—1725). М., 1902.

«Историческая выставка архитектуры». Спб., 1911.

Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Карты, планы, чертежи, гравюры собрания Петра I. Изд-во АН СССР, 1961.

Корольков М. Архитекты Трезины. «Старые годы», 1911, апрель.

«Краткое описание Спб. Сампсониевской церкви, что на Выборгской стороне, с историей ея и прихода». Спб., 1890.

Крашенинников А. и Шилков В. Проекты образцовых загородных домов Д. Трезини и застройка берегов Фонтанки. «Архитектурное наследство», 1955, вып. 7.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России, т. 2. Спб., 1861.

Луппов С. П. История строительства Петербурга первой четверти XVIII века. Изд-во АН СССР, 1957.

Луппов С. П. Неосуществленный проект петровского времени строительства новой столицы, 1709—1712 гг. Труды Библиотеки АН и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, т. 3, 1957.

Мавродин В. В. Петр I. Л., 1948.

Объяснение к историческим планам столичного города Спб. 1714—1839 гг. Спб., 1843.

«Описание Спб. и Кронштадта в 1710—1711 гг.». Спб., 1860.

«Очерки по истории Ленинграда», т. 1. М. — Л., АН СССР, 1955—1964.

«Памятники архитектуры Ленинграда». Л., 1958.

«Петербург петровского времени». Очерки под редакцией А. В. Предтеченского. Л., 1954.

«Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца». «Русская старина», 1879, № 6.

«Петербург — Ленинград». Историко-географический атлас. Изд-во ЛГУ, 1957.

Петров А. Н. Петербургский жилой дом 30—40-х гг. XVIII века. Ежегодник Института истории искусств, 1961.

Петров П. Н. Трезини — первый строитель гражданских сооружений Петербурга. Протокол сообщения в обществе архитекторов, 1878 г. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел, ф. 575, д. 51.

Петров П. Н. История Спб., 1703—1782 гг. Спб., 1885.

«Письма и бумаги Петра Великого», вып. 1, т. 9. М.—Л., 1950.

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. Лениздат, 1967.

Предтеченский А. В. Основание Петербурга. Вестник ЛГУ, 1953, № 6.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Зал эстампов. Панорама А. Зубова.

Рункевич С. Г. Александро-Невская лавра. Спб., 1901.

«Русская архитектура первой половины XVIII века». М., 1954.

«Семейные отношения Остермана». «Исторический вестник», 1884, № 9.

Столпянский П. Н. Петропавловская крепость. М.—Л., 1923.

Столпянский П. Н. Старый Петербург. Стрелка Васильевского острова. «Зодчий», 1915, № 10.

Тимченко Г. И., Рубан В. Первые годы Петербурга. Спб., 1901.

«Указы Петра Великого с 1714 по 1725 гг.». Спб., 1739.

Чистович И. Феофан Прокопович и его время. Спб., 1868.

ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 39; ф. 467, оп. 4, д. 429; ф. 467, оп. 73/187; ф. 470, оп. 5; ф. 575, д. 341; ф. 485, д. 783; ф. 816; ф. 1329, оп. 2.